

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

	Стр.
I. — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843 ГОДУ, переводъ съ нѣмецкаго. В. Наумова	5 ✓
II. — РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ (окончаніе). Г. Плеханова	30 ✓
III. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	81
IV. — ЗА БАЙКАЛОМЪ (разсказъ). Вл. Дебагорія-Мокрѣевича	109 ✓
V. — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (ст. четвертая и послѣдняя). Г. Плеханова	144 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

VI. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ (окончаніе). П. Аксельрода	3
VII. — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ПО ДѢЛУ С. ГИНСБУРГЪ.	46 ✓
VIII. — ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ. Г. Плеханова	65 ✓
IX. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ	102 ✓
X. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. Г. П	125
XI. — ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ	131
XII. — ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ (некрологъ)	133
XIII. — СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища	134
XIV. — ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища.	135
XV. — ШПИОНСКІЯ ЗАБАВЫ. Г. Плеханова	137
XVI. — О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦ.-ДЕМОКРАТА“.	139
XVII. — СПИСОКЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	140

ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ.

Въ Россіи голодъ. Широкимъ, все уничтожающимъ потокомъ разлилось бѣдствіе по лицу русской земли, захвативъ огромную полосу отъ Вятки до Акмолинской Области, отъ Крымскаго полуострова до Тобольска. Отъ такъ называемаго на официальномъ языкѣ недорода хлѣбовъ пострадали губерніи: Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Тульская, Казанская, Самарская, Оренбургская, Тамбовская, Рязанская, Воронежская, Вятская, Уфимская, Курская, Орловская, Костромская, Астраханская, Пермская, Херсонская, Харьковская, Тобольская, Таврическая, части Черниговской и Московской и области Уральская и Акмолинская. Незвѣстно съ точностью населеніе этой обширной полосы; по нѣкоторымъ расчетамъ оно доходитъ до 40 милліоновъ, т. е. превышаетъ населеніе всей Франціи. Русское правительство очень заботится о томъ, чтобы газеты не волновали читающую публику слишкомъ мрачными извѣстіями изъ пострадавшихъ мѣстностей: за одну печатку въ телеграммѣ, касавшейся продовольственнаго вопроса, „Рускія Вѣдомости“ получали второе предостереженіе. Но истина, хотя и прикрытая цензурною рогожкой, пробирается, однако, на свѣтъ божій, производя потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, въ комъ не окончательно одеревенѣли нервы. „Извѣстія о голодѣ съ каждымъ днемъ становятся все тревожнѣе — говорилъ только что названный органъ еще въ № отъ 17 Октября текущаго года. Газеты постоянно приносятъ новыя страшныя подробности, печатаютъ раздрающія душу письма о бѣдствіяхъ, испытываемыхъ населеніемъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. За исключеніемъ немногихъ скептиковъ, стремящихся отвести глаза отъ печальныхъ картинъ, всѣ согласны въ томъ, что бѣда, постигшая нашу страну въ этомъ году, громаднa и безпримѣрна въ лѣтописяхъ послѣднихъ десятилѣтій. Всего печальнѣе то обстоятельство, что въ большинствѣ мѣстностей, постигнутыхъ бѣдствіемъ, неурожай коснулся всѣхъ родовъ воздѣлываемыхъ растений и что полный недоборъ хлѣба совпалъ съ отсутствіемъ корма для скота“.

Мы увидимъ ниже, до какой степени слова „Русскихъ Вѣдомостей“ далеки отъ преувеличенія. Теперь же, немногими примѣрами,

напомнимъ читателю положеніе дѣлъ въ различныхъ уголкахъ голодающей полосы.

„Въ послѣднемъ засѣданіи самарскаго епархіальнаго комитета доложено, между прочимъ, письмо священника села Андреевки, Бузулукскаго уѣзда. Письмо — совершенно простое, безхитрое, не краснорѣчивое, но оно въ нѣсколькихъ строкахъ рисуешь картину ужаснаго бѣдствія, — народнаго голода.

По словамъ священника, во вѣренномъ ему приходѣ голодъ уже достигъ крайнихъ предѣловъ. Въ августѣ населеніе питалось остатками отъ скуднаго урожая и кое-какими заработками. Въ началѣ сентября распродали за безцѣнокъ домашній скотъ, чтобы прокормиться. Съ половины сентября — ѣсть буквально нечего. Изнуренные голодомъ люди, съ утра до вечера, бродягъ изъ дома въ домъ, выпрашивая милостыню, и возвращаются къ своимъ семействамъ съ пустыми сумами: милостыни уже никто не подаетъ.

„Около негѣли, — пишетъ священникъ, — ко мнѣ ежедневно приходятъ голодные, преимущественно же — женщины и дѣти, чтобы высказать свое отчаяніе, причемъ *сильно и по дому плачутъ*“ (Новости, 15 Октябр).

А вотъ что пишетъ въ редакцію „Новаго Времени“ г-жа Е. Половцова изъ Рязанской губерніи :

„М. г. Хотя въ настоящее время и организовано нѣсколько центровъ, куда стекаются пожертвованія, тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельница ужасныхъ бѣдствій, разразившихся надъ нашимъ Скопинскимъ уѣздомъ вслѣдствіе полнаго неурожая, рѣшаюсь обратиться ко всемъ тѣмъ, кто въ состояніи отозваться на чужое горе.

Голодъ — это чудовище, неумолимое, страшное, надвигается на насъ все ближе и сильнѣе и жертвамъ его некуда бѣжать, некуда спрятаться.

Бѣдятъ лебеду вмѣсто хлѣба, но и лебеда уже къ концу, а впереди почти годъ, страшный, голодный, холодный.

Ни картофеля, ни капусты, ни огурцовъ; скотину кормить нечѣмъ, топятъ тоже нечѣмъ, нѣтъ ни мякны, ни соломы, даже побираться идти некуда, — пришлось бы просить у такихъ же бѣдняковъ, которые ничего не могутъ дать.

Положеніе безвыходное.

Въ довершеніе ужаса — пожары; сотни семействъ остаются подъ открытымъ небомъ, голодные, безъ пристанища.

„Лучше смерть“, говорятъ многіе..“

О другомъ уѣздѣ, Елифановскомъ, той же губерніи г. П. Миртеновъ рассказывалъ въ Ноябрьѣ истекающаго года, что лебеда сдѣлалась тамъ главнымъ питательнымъ продуктомъ.

„...Завариваютъ кипяткомъ одинъ пудъ лебеды, — получается что-то въ родѣ грязи, съ тяжелымъ запахомъ, — потомъ высыпаютъ туда муку и пекутъ хлѣбы. Получается хлѣбъ землястаго цвѣта, съ неприятнымъ, тяжелымъ запахомъ. Говорятъ, если поѣсть этого хлѣба теплымъ, то совершенно очумѣешь; собаки и кошки его не ѣдятъ, а куры отъ него дохнутъ; ребята же отъ такого хлѣба долго режутъ и часто, наплакавшись, засыпаютъ голодные. Но и этого хлѣба станетъ не больше, какъ на одну недѣлю; плохо и груднымъ: они напрасно теребятъ пустыя уже груди измученныхъ и горемъ, и такой пищей матерей; плачь и стоны такого ребенка преслѣдовали меня въ вагонѣ почти безъ перерыва отъ Богородицка до Москвы; мать везла его въ Воспитательный домъ.“

Изъ Екатеринбурга, Пермской губ. въ „Недѣлю“ сообщаютъ :

„Массы крестьянъ изъ деревень въ лохмотьяхъ или совсѣмъ безъ покрова, все чаще и чаще начинаютъ являться на улицахъ нашего города, прося *Христа ради хлѣба*. Ночь они проводятъ въ „ночлежномъ“, гдѣ помѣщенія на 200 человекъ, а ихъ тамъ набивается болѣе тысячи. Понятно, что отъ этого развиваются болѣзни и смертность, такъ что ночлежный представляетъ и больницу, и мертвецкую. Администрация ограничивается пока тѣмъ, что понемногу спускаетъ эту массу обратно въ

опустѣлая деревни; но это мѣры, очевидно, временныя, потому что деревни представляютъ ужасныя картины: скота нѣтъ, домашность и одежда распродана или заложена, дома большею частью заколочены. Если какой народъ и сидитъ въ деревнѣ, то это дождающіе послѣднія крохи и ждущіе пока перемрутъ ребята, чтобы освободиться и идти въ городъ. Въ городъ приходятъ положительно по нѣскольку дней не ѣвши. Вотъ характерный случай въ селѣ Покровскомъ, въ 80 верстахъ отъ Екатеринбурга: мать четверыхъ ребятъ пришла къ священнику исповѣдываться, и на духу говорить, что она думаетъ зарѣзать ребятъ, такъ какъ не можетъ видѣть, какъ они умрутъ съ голоду. Священникъ собралъ кое-что и пошелъ накормить ихъ, но было уже поздно: послѣ того какъ они поѣли, начались конвульси и трое тутъ же умерли. Хлѣбъ страшно вздорожалъ и достать его трудно.“

Вотъ что происходитъ, вѣрнѣе сказать, происходило, еще въ истекшемъ Сентябрѣ, въ Тульской губерніи:

„Въ редакцію мѣстной газеты „Орловскій Вѣстникъ“ доставлены образцы „хлѣба“, который ѣдятъ крестьяне Новосильскаго уѣзда, Тульской губ. Составъ этого хлѣба слѣдующій: жмыхи, лебеда, подсѣвъ, то есть то, что остается отъ просѣванія ржи передъ молотью, иначе, говоря земля съ наилучшими наимельчайшими зернами ржи, да еще съ разною непитательною дрянью, и самую меньшую часть составляетъ ржаная мука; стало быть, голодъ въ Новосильскомъ уѣздѣ самый внушительный, когда тамъ крестьяне принуждены ѣсть такой „хлѣбъ“. Вѣроятно, хотя подлинно и неизвѣстно, такой же хлѣбъ ѣдятъ и въ нашей — Орловской — губерніи, въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Новосильскому, въ Ливенскомъ, Елецкомъ; это я заключаю изъ того, что уѣзды эти были ничуть не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Новосильскій: въ этихъ уѣздахъ уже давно ѣли знаменательную „болтушку“ изъ разныхъ травъ.“ (Новое Время отъ 29 сентября 1891).

Въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губ. „не уродилось ни хлѣба, ни кормовъ; заработковъ нѣтъ; денежные и хлѣбные запасы истощились; нищенство день ото дня развивается все болѣе, а предстоящая зима сулитъ нѣкоторымъ мѣстностямъ уѣзда голодовку, какой населеніе не испытывало и въ тяжеломъ 1880 г.“ (Р. В., №304) Изъ Балашевскаго уѣзда той же губ. идутъ подобныя же извѣстія. Тамъ уже осенью истекшаго года были случаи, когда *люди не ѣли по нѣскольку дней.*

„Московскія Вѣдомости“ напечатали письмо г. Шишова отъ 11 Октября подъ заглавіемъ: „Какой ѣдятъ хлѣбъ въ Симбирской губ.“ „Сегодня мною посланы вамъ образцы хлѣба, которымъ питаются въ большинствѣ селъ и деревень въ уѣздахъ Курмышскомъ, Алатырскомъ и Ардатскомъ — говоритъ г. Шишовъ. Нужда здѣсь страшная, люди ѣдятъ то, что отказываются ѣсть животныя. Хлѣбъ, который я вамъ посылаю, готовится изъ лебеды съ примѣсью мякины и небольшого количества ржи; отвратительный на вкусъ, горькій и при томъ сыроватый, такъ какъ не пропекается вполнѣ, онъ составляетъ единственную пищу и стараго и малаго въ семьѣ; получить другого неоткуда, посылать за милостыней — бесполезно, ибо въ виду грядущей нужды отказываютъ въ подаеніи и тѣ, кто теперь пока еще имѣетъ кой-какіе запасы; невыносимо тяжело смотрѣть на дѣтей, питающихся подобнымъ хлѣбомъ.“

„Грозная туча уже собралась надъ уѣздомъ и готова разразиться голодомъ повсемѣстнымъ и почти поголовнымъ — писали въ „Русскія Вѣдомости“ въ половинѣ Октября изъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи. Уже и теперь 77,000 жителей питаются хлѣбомъ изъ сор-

ныхъ травъ съ незначительной примѣсью ржи. Домашній скоть, избалованный добрымъ сѣномъ, отвертывается отъ этого хлѣба, а люди ѣдятъ и благодарятъ бога, у кого есть запасъ сорной травы на завтрашній день. Но и урожай сорныхъ травъ не былъ значительнымъ. Недалеко то время, когда не останется ничего. Даже и теперь обычное явленіе, что люди по два и по три дня остаются безъ всякой пищи, а что будетъ дальше — страшно подумать. Мы, мѣстные жители, съ замираніемъ сердца ждемъ этого страшнаго бѣдствія“...

Въ Нижегородской губ. крестьяне, получивъ ссуду для посѣва озимаго хлѣба, во многихъ мѣстахъ не могли выѣхать на пашню: обесиленные голодомъ, они уже неспособны были къ работѣ.

Съ наступленіемъ зимы къ недостатку хлѣба присоединился недостатокъ топлива, къ бѣдствіямъ голода—бѣдствія холода. Неудивительно, что совокупность такихъ условій вызвала огромную заботаемость въ средѣ крестьянства. Голодный тифъ уже началъ свою страшную работу...

Пораженныя неурожаемъ мѣстности еще въ недавнее время представляли собою самую плодородную часть Россіи. Недостатокъ хлѣба въ этихъ мѣстностяхъ означаетъ недостатокъ и дороговизну его въ другихъ частяхъ Имперіи, всегда пужавшихся въ привозномъ хлѣбѣ.

Наша крупная и мелкая промышленность поддерживается пока еще главнымъ образомъ внутреннимъ сбытомъ. Читатель понимаетъ, какова можетъ быть покупательная сила голоднаго или полуголоднаго крестьянства. Кустарныя и фабрично-заводскія здѣлія, отъ кумача до сельско-хозяйственныхъ орудій, лишаются сбыта; кустари бѣдствуютъ; крупные предприниматели „работаютъ“ неполные часы или совсѣмъ закрываютъ фабрики, нерѣдки и случаи банкротства между ними; масса рабочихъ лишается занятій въ ту самую минуту, когда, при дороговизнѣ хлѣба, она въ нихъ наиболее нуждается. Уже съ осени въ газетахъ появились самыя печальныя извѣстія о положеніи рабочихъ въ центральномъ промышленномъ округѣ и на Уралѣ. Зимой оно, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе ухудшится.

Такимъ образомъ, бѣдствіе пораженной неурожаемъ огромной полосы принимаетъ размѣры всероссійскаго бѣдствія.

Но и это еще не все. Хотя, по словамъ правительственныхъ чиновниковъ, въ голодающихъ мѣстностяхъ были приняты всѣ мѣры для своевременнаго обѣмененія озимыхъ полей, но огромная площадь земель осталась незасѣянной. Въ Нолнскомъ уѣздѣ Вятской губ., по свѣдѣніямъ земскихъ начальниковъ, незасѣянно 30 процентовъ озимыхъ полей; „изъ другихъ источниковъ извѣстно, что значительныя площади остались незасѣянными въ Яранскомъ, Уржумскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ“ („Новое Время“, 5 Октября). Подобныя же вѣсти приходятъ съ разныхъ концовъ Поволжья. На югѣ, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, озимые посѣвы повсюду находятся „въ самомъ печальномъ положеніи..... Въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губ. засѣяна одна только седьмая часть той площади, которая обыкновенно засѣвается подъ озими“. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ надо ожидать голодовки

и въ будущемъ году. А въ довершеніе всего оказывается, что озимые всходы плохи даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ урожай нынѣшняго года былъ не ниже средняго. Всероссийское бѣдствіе грозитъ превратиться во всероссійское раззореніе.

Что же сдѣлано до сихъ поръ для избѣжанія этого раззоренія? Какія мѣры принимаетъ правительство? Какъ показываютъ себя органы мѣстнаго самоуправленія? Что думаетъ „общество“? Что говорятъ печать?

Остановимся прежде всего на различныхъ проявленіяхъ нашего общественнаго мнѣнія и нашей общественной самодѣятельности.

„Вспоминая агитацію въ обществѣ и печати во время архангельской и самарской голодовокъ шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ, шумно взывавшихъ къ энергической помощи голодающимъ — говорится въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“*) — и сравнивая тогдашнее тревожное настроеніе и торопливость властей съ нынѣшнимъ сдержаннымъ тономъ печати и дѣловымъ образомъ дѣйствій какъ высшихъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учреждений, невольно вдумываешься въ происшедшую перемѣну. Двадцать лѣтъ тому назадъ били тревогу по поводу народнаго бѣдствія, словно безъ барабаннаго боя оно осталось бы незамѣченнымъ, учреждали своего рода комитеты „общественнаго спасенія“, будто и государственной казны, и наличной исполнительной власти было недостаточно для облегченія участи нуждающихся въ какомъ нибудь десяткѣ уѣздовъ. Теперь недородъ хлѣбовъ поразилъ болѣе десяти губерній**), и никому не приходитъ въ голову мысль о непосильности для государства борьбы съ голодомъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ..... Печать исполняетъ свою обязанность, спокойно обсуждая мѣры необходимой помощи; земства, получивъ отъ государства широкой кредитъ, дѣятельно закупаютъ продовольствіе и посѣвное зерно, грузы конхъ уже плывутъ по разнымъ направленіямъ. Все это дѣлается безъ шума и треска, безъ воплей и стенаній сытыхъ корреспондентовъ; сами нуждающіеся терпѣливо ждутъ помощи“....†)

Итакъ, по мнѣнію реакціоннаго журнала, общество и печать ведутъ себя теперь гораздо лучше, чѣмъ вели они себя въ подобныхъ случаяхъ 20—25 лѣтъ тому назадъ. Это очень большая честь — заслужить похвалу „Русскаго Вѣстника“; весь вопросъ въ томъ, насколько она можетъ считаться заслуженной?

Читатель знаетъ, что похвальный листъ обществу и печати выданъ былъ реакціоннымъ журналомъ въ Августѣ 1891 г. Что писали около этого времени о голодѣ наши „передовые“ журналы и газеты?

Заглянемъ во внутреннее обозрѣніе іюльской книжки „Русской

---

*) Приводимъ эту выписку изъ ноябрьской книжки „Русской Мысли“, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, кто виноватъ въ грамматической нескладицѣ приводимыхъ строкъ: органъ реакціонеровъ, или органъ болѣе или менѣе радикальной „легальной“ интеллигенціи.

**) Nota bene: „болѣе десяти губерній“ значитъ болѣе двадцати, какъ видѣлъ читатель изъ списка голодающихъ областей и губерній.

†) „Русская Мысль“, Ноябрь, Библиографическій отдѣлъ, стр. 515—516.

Мысли“: „Относительно неурожая,—читаемъ мы тамъ,— можно еще надѣяться, что болѣе полныя свѣдѣнія уменьшатъ первое представленіе о его размѣрахъ. Урожай, повидимому, обѣщаетъ быть не ниже средняго въ губерніяхъ сѣверныхъ, западныхъ, кавказскихъ, привислянскихъ, а отчасти и въ губерніяхъ центрального промышленнаго района. Сверхъ того, состояніе яровыхъ хлѣбовъ оказалось удовлетворительнымъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, входящихъ въ черту неурожая. Но полоса, охваченная неурожаемъ весьма обширна... Вздорожаніе хлѣба приписывается въ значительной степени спекуляціи. Но такая спекуляція, которая рассчитывала бы на искусственное поднятіе цѣны вслѣдствіе одного скупа его, могла бы имѣть значеніе только въ теченіе какого нибудь мѣсяца, т. е. до жатвы. Если же спекуляція состоитъ въ томъ, что уже теперь возвышается цѣна хлѣба въ расчетѣ на то, что урожай, по своей недостаточности, ее не понизитъ, то противъ такой спекуляціи можно дѣйствовать только ея же путемъ, т. е. покупая хлѣбъ въ губерніяхъ, гдѣ цѣны въ настоящее время ниже, для составленія запасовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣны высоки, съ открытіемъ затѣмъ изъ земскихъ и казенныхъ складовъ продажи по пониженной цѣнѣ и по опредѣленному количеству въ однѣ руки. — Нѣкоторыя газеты уже заговорили было о наложеніи пошлины на отпускной хлѣбъ и даже о временномъ воспрещеніи вывоза. Но дѣйствительное положеніе дѣла, кажется, не оправдываетъ столь крутыхъ мѣръ, которыя, вдобавокъ, повели бы къ раззоренію сельскаго хозяйства. Есть иныя мѣры для отвращенія нужды, которыя могутъ быть вполне достаточны, если только будутъ проведены безъ откладыванія: удешевленіе провоза въ нуждающіяся губерніи хлѣба, назначеннаго на продовольствіе населенія и обѣмненіе полей, ссуды и пособія изъ общаго экономическаго капитала по ходатайству земствъ и согласно съ собранными ими свѣдѣніями, покупка земствами хлѣба въ мѣстностяхъ болѣе урожайныхъ, образованіе складовъ и, въ случаѣ дальнѣйшаго вздорожанія, мѣстъ дешевой продажи хлѣба и т. д. Не мало можно сдѣлать и на тѣ 11 милліоновъ руб. продовольственнаго капитала, которые состоятъ на лицо, но само собою разумѣется, что эта сумма не составитъ предѣла для пожертвованій государства въ случаѣ необходимости..... Высшіе правительственные органы чутко отнеслись къ дѣлу предупрежденія хлѣбнаго кризиса“....

Дѣло ясно: что касается „Русской Мысли“, то реакціонный органъ былъ правъ. Въ лицѣ „передового“ „толстаго“ журнала печать „спокойно обсуждала мѣры необходимой помощи“; даже болѣе того, она старалась образумить людей, склонявшихся къ „шуму и треску“; она доказывала, что дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ; она не одобряла запрещенія вывоза хлѣба на томъ основаніи, что подобная мѣра можетъ повредить интересамъ „сельскаго хозяйства“, т. е. интересамъ господъ помѣщиковъ. Она съ вѣрой, надеждой и любовью указывала на „чуткость“ правительства. Словомъ, она вполне заслужила похвалу, которой „Русскій Вѣстникъ“ ошастливилъ общество и печать за ихъ примѣрное спокойствіе и довѣріе ко власти верховной, отъ бога установленной.

А что сказать о „Русских Вѣдомостяхъ“? Не замѣтно ли было съ ихъ стороны какой либо крамолы? Избави богъ! Въ то время, къ которому относится похвальный отзывъ „Русскаго Вѣстника“, передовая московская газета вообще не считала нужнымъ пугать общественное мнѣніе страшнымъ призракомъ голода. Она долго держалась того убѣжденія, что дѣло обойдется безъ запрещенія вывоза за-границу. Но когда принята была эта, будто бы „крутая“ и „вредная“ для сельскаго хозяйства мѣра, „Рус. Вѣд.“ и тутъ не возротаи. Онѣ поспѣшили успокоить сельскихъ хозяевъ. „Правительство прибѣгло къ этому средству содѣйствія нуждающемуся населенію лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія хлѣбныхъ запасовъ отъ урожаяевъ прежнихъ лѣтъ, — увѣряла она, — и притомъ въ такое время, когда уже выяснились результаты жатвы текущаго года. Запрещеніе за-граничнаго экспорта хлѣба послѣдовало, стало быть, при наличности достаточныхъ свѣдѣній о вѣроятномъ снабженіи внутреннихъ рынковъ рожью, и эти данныя, какъ мы указывали еще при возбужденіи первыхъ толковъ въ печати о тѣхъ или иныхъ запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ нашей внѣшней хлѣбной торговлѣ— (и что за языкъ!? неужели нельзя писать иначе!), имѣютъ опредѣляющее значеніе при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ“ (№ 209, 1 Августа 1891 года). Правда „Русскія Вѣдомости“ не могли удержаться отъ тяжелаго вздоха по поводу несимпатичнаго имъ правительственнаго распоряженія. „Закрывая европейскую границу для ржи и ржаной муки..... нельзя, разумѣется, отрицать,—прибавила она— что прекращеніе вывоза сопряжено съ значительными неудобствами въ сферѣ сложившихся торгово-промышленныхъ отношеній“. Въ послѣдующихъ №№ редакция не упустила случая воспроизвести всѣ тѣ отзывы русской и иностранной печати, которые подтверждали ея опасенія. Но этимъ все и ограничилось. Благовоспитанная газета не измѣнила свойственнаго ей тона умѣренности и аккуратности.

Такъ держались самые вліятельные и самые „передовые“ органы „легальной“ интеллигенціи. Впослѣдствіи имъ какъ будто стыдно сдѣлалось столь похвальнаго поведенія. „Русская Мысль“ нашла, что „лучше бы обществу и печати пересуетиться, нежели отстать на 2—3 мѣсяца въ дѣлѣ помощи голодающимъ, лучше бы давно уже „шумно взывать къ энергической помощи“ и „тревожиться“, нежели предаваться „спокойствію“, рекомендованному „Русск. Вѣстникомъ“.“ (Ноябрь, Библиографическій отдѣлъ, стр. 516—517.) Это совершенно справедливо. Но почему общество и печать склонились именно къ спокойствію, а не къ энергическому образу дѣйствій? „Общество до такой степени приучено не суетиться, не соваться первому со своимъ мнѣніями и дѣятельностью, пока его не спросятъ,—отвѣчаетъ „Русская Мысль“ — и такъ ко многому вопіющему привыкло сравнительно съ прошлымъ относиться спокойно, что въ началѣ казалось даже, что оно совсѣмъ безучастно относится и къ страшному появленію голода“. Вотъ оно что! Мамка зашибла этихъ почтенныхъ людей, и съ тѣхъ поръ отъ нихъ, дѣйствительно, немножко отдаешь... „спокойствіемъ“. Виновата мамка, приставленная къ нимъ исторіей, а сами они рѣшительно ни въ чемъ не виноваты.

Въ настоящее время, по мнѣнію „Русской Мысли“, „почти ни одна черта идиллической картины „Русскаго Вѣстника“ не соотвѣтствуютъ болѣе дѣйствительности“, теперь языкъ печати уже гораздо энергичнѣе, а общество уже не безучастно къ судьбѣ голодающихъ. Но что же собственно слышимъ мы теперь отъ русской печати? Что находимъ мы хотя бы въ той же „Русской Мысли“, въ той же самой книжкѣ, изъ которой мы заимствовали вышеприведенныя строки? Внутреннее обозрѣніе этой книжки рисуетъ современное положеніе дѣлъ очень яркими красками: „Настала зима — зима голоднаго года. Сколько неизрѣченныхъ страданій для многихъ милліоновъ людей вмѣщаютъ въ себѣ эти три слова! Нѣтъ нужды дожидаться тѣхъ картинъ, какія станутъ рисовать, по мѣстнымъ, частнымъ своимъ наблюденіямъ, корреспонденты. Нѣтъ необходимости и въ особой силѣ воображенія для того, чтобы представить себѣ впередъ, въ живыхъ образахъ ту грозную дѣйствительность, какая должна соотвѣтствовать словамъ — голодная зима. Теперь не осталось уже ни единого дня срока для споровъ о размѣрахъ нужды, о лучшей организаціи пособій и т. д. Всѣ сословія, все населеніе государства, въ силу первѣйшаго долга, связующаго гражданъ одной страны, должны соединиться въ одной мысли. Самымъ рѣшительнымъ образомъ, всѣми способами, какіе только доступны для каждаго изъ насъ въ отдѣльности, для тѣснѣйшихъ кружковъ и цѣлыхъ обществъ, мы должны вступить въ борьбу съ народнымъ бѣдствіемъ“. По мнѣнію господина обозрѣвателя, для серьезной помощи голодающимъ нужно никакъ не меньше 292,5 мил. рублей (а въ Іюлѣ ему казалось, что „не мало можно сдѣлать и на 11 милл. руб. продовольственнаго капитала“!), цифра эта очень велика (т. е. не 11 милл., а 292,5), но правительство сумѣетъ достать необходимыя средства; „какъ ни великъ размѣръ бѣдствія, онъ не таковъ, чтобы даже силою однихъ только средствъ, находящихся въ распоряженіи казначейства и добываемыхъ путемъ кредита, оно не могло быть прекращено“. Г. обозрѣватель не спрашиваетъ себя захотятъ ли прекращать бѣдствіе тѣ люди, въ рукахъ которыхъ находится государственное казначейство. Повидимому онъ не допускаетъ даже возможности сомнѣнія въ доброй волѣ царскаго правительства. „И такъ, нѣтъ причины отчаяваться и опускать руки — восклицаетъ онъ; пусть только пойдутъ широкимъ русломъ частныя пожертвованія — и наиболѣе острый кризисъ безъ особаго труда будетъ осилён“. Частныя пожертвованія! — въ этихъ двухъ словахъ выражается вся программа дѣятельности, указываемая обществу нашимъ „передовымъ“ журналомъ. Мы увидимъ, насколько можетъ быть удовлетворительна подобная программа.

Какъ бы, однако, ни была она неудовлетворительна, нельзя сомнѣваться въ томъ, что предлагающіе ее люди искренно желаютъ теперь помочь голодающему [народу. Это очень „спокойные“ и очень недальновидные, но все таки честные люди. Они представляютъ собою во всякомъ случаѣ лучшую, хотя и наименѣе вліятельную, наиболѣе запуганную часть нашего „общества“. Другія части общества гораздо менѣе ихъ заботятся объ интересахъ голодающихъ, а вѣрнѣе сказать — онѣ вовсе не заботятся о нихъ. Таково, на примѣръ, „всерос-

сійское купечество“. Отъ „частныхъ пожертвованій“ оно, правда, не отказывается, но, давая одной рукой, оно другою старается залѣзть въ тотъ самый народный карманъ, въ которомъ замѣчаются теперь самые недвусмысленные признаки полнѣйшаго оскудѣнія. Нижегородскій ярмарочный комитетъ ходатайствовалъ передъ министерствомъ финансовъ объ установленіи вывозной пошлины на хлопчатобумажныя издѣлія. Подобныя пошлины необходимы будто бы въ интересахъ рабочихъ, которымъ „предстоитъ перебиваться чѣмъ Богъ пошлетъ при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба“ и при сокращеніи производства вслѣдствіе неурожая. Подобная заботливость гг. предпринимателей объ ихъ рабочихъ „рукахъ“ встрѣтила довольно справедливую оцѣнку на страницахъ „Русскаго Вѣстника“. „Кому что, а нашимъ мануфактуристамъ подавай новыя льготы, гарантіи, раскопеливайся казна! — съ негодованіемъ восклицаетъ реакціонный журналъ. И сколько великодушія и патриотизма въ этой угрозѣ выгнать въ голодный годъ и въ зимнюю пору на улицу десятки тысячъ рабочихъ! Пусть-де эти несчастные съ ихъ семьями „перебиваются чѣмъ богъ пошлетъ“. Вотъ истинно торгашескій цинизмъ, отвроченный до наглости и жестокой до отрицанія всякой человѣчности!“ Но благородное негодованіе на цинизмъ торгашей не мѣшаетъ „Русскому Вѣстнику“ требовать всякаго рода „льготъ“ для гг. землевладѣльцевъ. По его словамъ, „окончательно раззорять“ помѣщичьи имѣнія „въ неурожайные годы нежелательно, прежде всего, въ интересахъ обезпеченія народнаго продовольствія; даже слабыя помѣщичьи хозяйства въ состояніи помогать нуждающимся крестьянамъ, давая имъ работу“. А чтобы предупредить „окончательное раззореніе“ помѣщиковъ, имъ надо предоставить кредитъ для улучшеній въ способахъ воздѣлыванія земли и отсрочить взносъ государственнаго земскаго сбора, а также и платежи дворянскому банку. И это въ то время, когда крестьянскій банкъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ ни мало не стѣсняется продавать земли неисправныхъ должниковъ. Нечего сказать, дворянскій цинизмъ ни мало не уступаетъ „торгашескому“.

Движимое чувствомъ состраданія къ голодающимъ, московское дворянство въ экстренномъ собраніи 23 Октября постановило пожертвовать въ ихъ пользу 25 тысячъ рублей. Это очень немного, совсѣмъ ничего, если принять во вниманіе доходы московскаго дворянства, богатѣйшаго въ Россіи. Но что-жъ бы вы думали? И эти жалкія 25,000 рублей способны были растревожить дворянскую алчность. Г. Бланкъ возбудилъ въ „Моск. Вѣдом.“ вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ словами: нуждающееся населеніе — всѣхъ ли вообще жителей Имперіи безъ исключенія, или однихъ только крестьянъ. Въ отвѣтъ на этотъ, чрезвычайно „своевременный“ вопросъ, г. Семеновичъ предложилъ отдать пожертвованныя московскимъ дворянствомъ 25,000 рублей нуждающимся семьямъ дворянъ. Свое великодушное предложеніе г. Семеновичъ подкрѣплялъ чрезвычайно чувствительными жалобами на бездѣйствіе дворянства, которое, по его мнѣнію, не обнаруживаетъ достаточной жадности въ

дѣлѣ расхищенія суммъ, пожертвованныхъ въ пользу голодающихъ. „Руки опускаются, — голосилъ г. Семеновичъ — когда видишь, что не только люди сами не хотятъ дѣлать ничего для себя и въ защиту отъ нападающихъ со всѣхъ сторонъ враговъ, но даже не хотятъ воспользоваться тѣмъ, что имъ предоставляется закономъ“.

Но все это было бы еще ничего. Пусть бы старались вырвать кусокъ хлѣба изо рта голодныхъ крестьянъ эти люди, возросшіе и выхолощенные на безчеловѣчной эксплуатаціи крестьянства! Пусть бы жадничали они, не нарушая, однако, заповѣди : „не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна“. Пусть бы только не клеветали они на бѣдствующее крестьянство. Но, къ сожалѣнію, и отъ клеветы не могло удержаться доблестное руссійское дворянство! Знаменитый представитель его, чувствительный поэтъ Фетъ вздумалъ увѣрять, что крестьяне бѣдствуютъ единственно только по своей лѣности и склонности къ пьянству. Въ подтвержденіе своей мысли онъ привелъ нѣсколько „фактовъ“, которые тотчасъ же были опровергнуты печатью. Мы не знаемъ насколько гнусная ложь и беззащитная клевета мирятся съ эстетикой г. Фета, но мы должны привести въ его защиту одно смягчающее обстоятельство : въ его лицѣ дворянство судило по себѣ, оно мѣрило крестьянъ на аршинъ своихъ собственныхъ, дворянскихъ склонностей къ безпутному мотовству и пьянству. Въ неурожайномъ 1847 году, когда правительство выдавало ссуды помѣщикамъ для продовольствія ихъ крѣпостныхъ „душъ“, обнаружилось, что „помѣщики, получая въ ссуду деньги для продовольствія крестьянъ, употребляли ихъ на свои надобности. Въ одномъ продовольственномъ комитетѣ заемщики только переходили изъ присутствія въ другую комнату, и тамъ многіе проигрывали въ карты деньги, выданныя имъ совсѣмъ для другого употребленія“. Спустя четыре года, начальникъ Смоленской губерніи, вспоминая поведеніе дворянъ въ 1847 году, говорилъ, что „невозвратное зло послѣдовало отъ раздачи правительствомъ ссудъ деньгами, ибо соблазнъ къ полученію денегъ дѣйствуетъ сильно на всѣхъ помѣщиковъ, находящихся и не находящихся въ нуждѣ, и многіе помѣщики, получивъ деньги, не употребляли ихъ для той цѣли, для которой получили, или давали только часть, оставляя крестьянъ своихъ въ бѣдствіи. Первый случай (т. е. соблазнъ къ полученію денегъ) подтвердился и въ настоящее время (1851 г.). По губерніи распространились слухи, что правительство ассигновало сумму для раздачи помѣщикамъ на закупку хлѣба для продовольствія ихъ крестьянъ; многіе изъ помѣщиковъ пріѣхали въ городъ просить денегъ; когда же узнали, что въ продовольственной комиссіи лишь составляется одно предположеніе объ оказаніи пособія не деньгами, а хлѣбомъ, то желающіе уже не являлись“*).

„Русская Мысль“ не замедлила отгнать противорѣчіе, въ которое попадаетъ органъ нашихъ реакціонеровъ при опѣнкѣ домогательствъ „торгашей“ съ одной стороны и помѣщиковъ — съ другой.

*) „Юридическій Вѣстникъ“, Декабрь 1890 года, статья г. Каблукова : „Очеркъ исторіи русскаго законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія“ ан. 551—552.

И она, разумѣется, хорошо сдѣлала, оттѣнивъ это противорѣчіе. Бѣда лишь въ томъ, что когда „Русская Мысль“, высказываясь противъ запрещенія вывоза ржи, ссылаясь на интересы сельскаго хозяйства, она отстаивала въ сущности выгоды того же класса, о которомъ хлопочетъ „Русскій Вѣстникъ“. Разумѣется, она поступала такъ безо всякой злой воли, просто по недоразумѣнію. Употребляя выраженія г. Протопопова, можно сказать, что въ требованіяхъ гг. фабрикантовъ и помѣщиковъ замѣтенъ умъ, но не замѣтно благородства; въ требованіяхъ же нашей передовой печати замѣчается бездна благородства, но... не хватаетъ кое-чего другого.

Перейдемъ теперь къ земствамъ. Насколько усердно и насколько удачно содѣйствовали они облегченію народной бѣды?

Увы! Наша „земская смышляевщина“ (какъ выражался когда-то г. Мордовцевъ) въ лучшихъ случаяхъ оказалась не чѣмъ инымъ, какъ земской обломовщиной. Начать съ того, что земскіе „лутчіе люди“ не имѣли мужества взглянуть бѣдѣ прямо въ глаза и настоятельно потребовать отъ правительства серьезной помощи. Они предпочли другой приѣмъ. Они всѣми способами стали „сокращать ѣдоковъ“, уменьшать — разумѣется лишь на бумагѣ — число крестьянъ, нуждающихся въ продовольственной ссудѣ. Такъ, напримѣръ, казанское экстренное земское собраніе исключило изъ числа „ѣдоковъ“ всѣхъ лицъ рабочаго возраста отъ 18 до 55 лѣтъ и малолѣтнихъ до 5-ти лѣтняго возраста. Выдавать рѣшено имъ по 30 ф. хлѣба въ мѣсяцъ на каждаго ѣдока. Обсѣменение рассчитано имъ на 75 процентовъ общей площади яровыхъ полей*).

Николаевское земство Самарской губ. распредѣлило сѣменную ссуду по ревизскимъ душамъ. А такъ какъ многія сельскія общины давно уже передѣлили землю по наличнымъ душамъ, то имъ и пришлось предпринять новый передѣлъ сѣменной ссуды. На каждую наличную душу досталось не болѣе 1 пуда 5 фунтовъ. На продовольствіе многія общества получили по 8 ф. ржи на ѣдока.

Новоузенское земство выдавало ссуду на надѣльные дворы, занимающіеся хозяйствомъ; всѣ же безхозяйные дворы лишены были ссуды, а такихъ въ уѣздѣ оказалось налицо 9,182 двора или 18,4 процента общаго числа дворовъ въ уѣздѣ. „Земское собраніе постановило всѣхъ такихъ безхозяйныхъ, вдовъ, сиротъ, постороннихъ лицъ и мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ, продовольствовать на средства общества изъ остатковъ отъ полученныхъ ссудъ“. Между тѣмъ, однихъ только мѣщанъ (изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и безхозяйныхъ дворовъ числится въ губерніи 41,833 двора, да въ постороннихъ дворахъ проживаетъ 19,202 дв., слѣдовательно, для прокормленія одного только этого населенія въ теченіе года потребуются до 2 милл. пудовъ хлѣба (Р. В.).

Крестьянамъ Самарской губ., купившимъ въ собственность землю при помощи крестьянскаго банка, какъ землевладѣльцамъ, земства

---

*) См. статью г. Г. Успенскаго: „Безхлѣбье“ въ ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли“.

совершенно отказали въ выдачѣ ссуды. Въ то же время этимъ „землевладѣльцамъ“ грозитъ продажа съ молотка ихъ недвижимаго имущества въ виду того, что они не могли уплатить своего долга банку.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ., по свѣдѣніямъ „Каз. Лист.“, земство рѣшило выдавать на обсѣменение ссуды только тѣмъ крестьянамъ, которые сѣяли въ недавнемъ прошломъ и у которыхъ учѣлѣлъ хозяйственный инвентарь. Тамошніе „пролетаріи“ сильно „возбуждены“ этимъ рѣшеніемъ. Названная газета склонна, повидимому, приписывать ихъ „возбужденіе“ вліянію кулаковъ, которые пользуются будто бы этимъ „возбужденіемъ бѣдности, чтобы направлять ее противъ лицъ, почему либо пришедшихся имъ не по вкусу“. Но, спрашивается,—неужели недовольство „пролетаріевъ“ не можетъ найти другого, болѣе серьезнаго объясненія? Вѣдь земскіе сборы навѣрное взysкивались съ земель „бѣдности“ не менѣе усердно, чѣмъ съ земель любезныхъ земскимъ дѣателямъ **хозяйственныхъ мужичковъ**. Почему же земство отказывается теперь помочь бѣднотѣ, т. е. именно тѣмъ людямъ, которые болѣе всего нуждаются въ помощи? Потому-ли, что бѣднота давно уже перестала обрабатывать свои поля? Но это могло происходить потому, что они находили болѣе выгоднымъ пропитываться какими нибудь посторонними заработками, чѣмъ ковырять малоодоходную землю; теперь же, когда заработковъ нѣтъ и когда на будущій годъ можно ожидать новаго неурожая, т. е. еще большаго усиленія безхлѣбья, бѣднота рѣшила попробовать счастья „около земли“. Какое право имѣло земство отказать имъ въ поддержкѣ? Права на это у него не было никакого, но очевидно, что шадринское земство, подобно многимъ другимъ земствамъ, въ своихъ попеченіяхъ о крестьянствѣ руководствуется извѣстнымъ принципомъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если же мало, то и это очень малое возьмутъ.

Тулъское губернское земство самъ губернаторъ находитъ, по словамъ корреспондента „Новостей“, „въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже слишкомъ осторожнымъ“ (понятно, что рѣчь идетъ о „случаяхъ“ помощи голодающимъ, и что земская „осторожность“ выражается въ сокращеніи размѣровъ этой помощи).

Вообще, по словамъ „Рус. Вѣд.“, губернскія земства, „не желая слишкомъ обременять себя (!) тягостью продовольственнаго долга, еще до представленія высшему правительству своихъ ходатайствъ, значительно, иногда въ три, четыре раза урѣзывали оцѣнки уѣздныхъ земствъ“. Но все это было бы еще только пол-бѣды. О настоящей же бѣдѣ говорятъ нижеслѣдующіе факты.

„Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Новоузенскаго уѣзда было роздано на обсѣменение овинное зерно, т. е. мертвое, обреченное погребенію въ землѣ, а не нарожденію колоса. На протесты мѣстныхъ обывателей послѣдовали опроверженія двухъ гласныхъ, закупившихъ мертвое зерно, и земскаго начальника. Въ протестахъ обывателей, между прочимъ, было указано на опытъ крестьянина Покровской слободы,

В. Я. Сергиенко — посѣять 100 зеренъ мертваго хлѣба, послѣ чего получилось всего 2 отростка..... Крестьянъ спасли не гласные и не земскій начальникъ, а мѣстные же крестьяне, обвинявшіе мертвое зерно на живое.*)

Изъ Николаевского уѣзда той же губ. помѣщикъ Протопоповъ писалъ въ „Рус. Вѣдом.“ (15 Сентября): „Крестьяне составили въ свое время приговоры о выдачѣ имъ пособія на обсѣменение за круговой ихъ порукой. На основаніи этихъ приговоровъ, сельскіе писаря составляли списки нуждающихся, по которымъ уполномоченные крестьяне получили хлѣбъ. Тутъ обнаружилось какое-то странное недоразумѣніе. Такъ, крестьяне села Подъема, ...къ удивленію своему узнали, что ихъ уполномоченнымъ выдано на нѣкоторыхъ самыхъ бѣдныхъ домохозяевъ по одному или по два пуда, между тѣмъ какъ люди зажиточные, даже торговцы, **вовсе не производящіе посѣва**)** получили, кто десять, а кто двѣнадцать пудовъ..... Одному изъ крестьянъ села Подъема приходилось, въ виду неправильности распредѣленія пособія, получить всего 1 пудъ. Онъ отказался и съ отчаянія хотѣлъ зарѣзаться косою. И лишь частная помощь выручила его (конечно, на короткое время). Пишущему эти строки пришлось его видѣть: онъ шелъ, еле передвигая ноги, нервно теребя лохмотья зипуна; лицо у него было потемнѣвшее, исхудалое; онъ и четверо дѣтей его уже нѣсколько дней не ѣли хлѣба“... Какъ видите, и здѣсь тотъ же принципъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если же мало, то и это очень малое не возьмутъ лишь по невозможности взять его, и уже во всякомъ случаѣ предоставятъ тебя всѣмъ бѣдствіямъ голода и нищеты.

Въ томъ же уѣздѣ на продовольствіе крестьянамъ въ Сентябрѣ было выдано только по 10 ф. хлѣба на нерабочаго человѣка (рабочимъ не давали ничего), а въ Октябрѣ по 20. „Отчаяніе овладѣло крестьянами“ — говоритъ г. Протопоповъ. Еще бы нѣтъ!

Въ селѣ Абашевѣ (Самарскаго уѣзда) отпущено на Октябръ 62 пуда ржи на 699 ѣдоковъ (къ которымъ опять таки относятся только лица нерабочаго возраста). „Это составляетъ по 3½ фунта на ѣдока въ мѣсяцъ или по 14½ золотниковъ въ день“†).

*) Г. И. Успенскій, тамъ же, стр. 100.

***) Курсивъ нашъ; просимъ сравнить поведение Николаевского земства съ отказомъ Шадринскаго помочь бѣднотѣ.

†) В. Е., Декабрь 1891 годъ, „Изъ общественной хроники“. Указанный въ текстѣ фактъ можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ: какой „Гудушка“ вздумаетъ „помогать“ голодающему населенію нѣсколькими золотниками хлѣба въ день — скажетъ читатель. Постараемся же выяснитъ *несомнѣнное* историческое происхожденіе такихъ, повидимому, невѣроятныхъ фактовъ. Когда заговорили о продовольственной ссудѣ, губернская администрація извѣстила волостныя и сельскія начальства о томъ, что они подвергнутся строгой отвѣтственности, если внесутъ въ списки нуждающихся людей, могущихъ пропитаться собственными средствами. Сообразно этому, названныя начальства вносили въ списки лишь одну сельскую бѣдноту. На основаніи этихъ списковъ была выдана ссуда, урѣзанная въ 3—4 раза. Эта ссуда, согласно существующимъ порядкамъ общиннаго самоуправленія, распредѣлялась между всѣми домохозяевами прямо пропорціонально ихъ имущественной состоятельности, по извѣстному принципу: если ты имѣешь много и такъ далѣе; такимъ-то образомъ и вышло, что богачи получали десятки пудовъ, бѣдняки же должны были довольствоваться золотниками.

Въ Казанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что по количеству наличныхъ запасовъ на каждого ѣдока, считая только нерабочее населеніе, приходится не болѣе 4¹/₂ фунта хлѣба въ мѣсяць.*)

Въ Саратовской губ. огромная площадь озимыхъ полей осталась незасѣянной. А отъ сѣменной ссуды осталось 461,363 пуда, неизрасходованныхъ уѣздными земствами. Выдача ссудъ на обсѣменение, подъ тѣмъ предлогомъ, что сѣять уже слишкомъ поздно, прекращена была во многихъ мѣстахъ въ то время, когда зажиточные крестьяне и помѣщичьи экономіи только что собирались сѣять. Такъ было, напр., въ деревняхъ Ляховѣ и Глазуновкѣ Балашовскаго уѣзда, о которыхъ писалъ корреспондентъ „Саратовскаго Листка“. Крестьяне стали искать „арендаторовъ для своей земли, потому что собственныхъ сѣмянъ у нихъ нѣтъ“. Такіе арендаторы и не замедлили, разумѣется, найтись въ лицѣ мѣстныхъ кулаковъ. „Вотъ какъ образуются мудрыми попечителями о народномъ благѣ остатки отъ сѣмянной ссуды, и безъ того уже высчитанной въ обрѣзъ“, замѣчаетъ г. Успенскій.

А какъ происходила закупка земцами хлѣба для голодающихъ ?

Казанское земство поручило доставку для него хлѣба на обсѣменение купцу Дедюхину, который покупалъ хлѣбъ по 1 р. 10 коп. за пудъ, а съ земства бралъ по 1 р. 30 к. Это было въ Іюль и Августѣ. Въ концѣ Октября, когда надо было закупать хлѣбъ для продовольствія, то же земство купило 200,000 пудовъ въ Нижнемъ по 1 р. 45 к. и по 1 р. 50 к. Между тѣмъ, въ Сентябрь мѣсяцѣ цѣны на рожь въ Казанской губ. не превышали одного рубля за пудъ.

Вятское земство покупало хлѣбъ у мѣстныхъ купцовъ-кулаковъ, платя имъ по 1 р. 17 к.—1 р. 22 к. за пудъ, въ то время, какъ въ Саранульскомъ уѣздѣ рожь продавалась по 1 р. 10 к. и дешевле, а потомъ еще понизилась; въ Малмыжскомъ же уѣздѣ въ это время скупщики покупали рожь на базарахъ по 75—77 коп. за пудъ. Во многихъ уѣздахъ крестьяне просили выдать имъ ссуду на обсѣменение деньгами, такъ какъ они надѣялись купить хлѣбъ дешевле, чѣмъ покупало его земство. Управы не согласились на это, предпочитая обогащать купцовъ.

Но больше всѣхъ отличилось земство въ Самарѣ. Покупка хлѣба поручена была тамъ губернской управѣ. Та послала съ этой цѣлью на югъ одного изъ своихъ членовъ, г. Дементѣва; г. Дементѣвъ пропалъ на цѣлыхъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ о немъ не было, что называется, ни слуху, ни духу. Не имѣя никакихъ запасовъ, постоянно осаждаемая требованіями со стороны уѣздныхъ земствъ, губернская управа была въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Предсѣдатель рѣшился купить 12,000 пуд. муки на мѣстѣ у нѣкоего Шахобалова. Но оказалось, что „купленной г. предсѣдателемъ мукою питаться нѣтъ возможности, такъ какъ безъ значительной примѣси

*) Тамъ же.

ржаной муки выпечь хлѣба изъ нея физически немислимо“. Эта мука обошлась земству по 1 р. 15 к. пудъ!*)

Наконецъ, возвратился, повидимому, и земскій Одиссей-Дементѣевъ. Насколько удовлетворительно исполнилъ онъ возложенное на него порученіе, можно судить по слѣдующимъ газетнымъ сообщеніямъ :

„Въ редакцію одной одесской газеты доставлена проба пшеницы, отправляемой со станціи Жеребково, „по свидѣтельству на провозъ самарскаго земсва“. Газета говоритъ : „По этой пробѣ можно судить о качествѣ отправляемой пшеницы: высыпавъ пробу на листъ бумаги, мы увидѣли въ ней массу мелкихъ черненькихъ зеренъ, которыя обыкновенно находятся въ низу зерна и сразу не замѣтны ; это и есть сорная трава; затѣмъ, тамъ же мы нашли примѣсь песку и даже *маленькихъ камешковъ*“. И вотъ, подъ именемъ „хлѣба“, отправляется по желѣзной дорогѣ, черезъ всю Россію, съ одного конца ея на другой, помѣсь пшеницы съ сорною травой, съ пескомъ и гравіемъ ; любопытно еще, что когда на желѣзной дорогѣ замѣтившей явныя злоупотребленія отправителей, сдѣлано было распоряженіе, чтобы, при приѣмѣ хлѣба, вписывалось въ накладныя качество посылаемаго зерна, то отправители протестовали противъ такой оговорки, ссылаясь на то, что „съ ними заключено условіе (?), допускающее до 30 процентовъ сору.. Вѣроятно, въ тѣ же амбары, гдѣ хранится пшеница, доставляются цѣлые транспорты сорныхъ травъ и привозятся десятки коевъ съ пескомъ и гравіемъ; для оптовой торговли и оптовая фабрикація.

Если такой „хлѣбъ“, дѣйствительно, ѣдетъ по юго-западнымъ дорогамъ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, въ самарскую губернію, для самарскаго земства, то весьма естественно, что послѣднее—какъ вы читали на-дняхъ въ самарской корреспонденціи „Волжскаго Вѣстника“,—выдаетъ крестьянамъ „вмѣсто ржаной муки какую-то *проиорьклую смѣсь*, главною составною частью которой являются отруби“. Между тѣмъ, предсѣдатель самарской губернской земской управы г. Алабинъ испрошаетъ промахи и неурядица своего земства только при помощи газетныхъ опроверженій, весьма краткихъ и голословныхъ, положимъ, но рѣшительныхъ, категорическихъ, не вдающихся ни въ какія объясненія по существу“ [Новости, 9 Декабря 1891].

Читатель видѣлъ, какъ заботятся о народѣ наши земскіе „излюбленные люди“. Пусть посмотритъ онъ теперь, какъ заботятся они о самихъ себѣ.

„Слободскому предсѣдателю уѣзднаго съѣзда г. Разсохину (говоритъ Волжскій Вѣстникъ) земское собраніе опредѣлило выдать 750 рублей на разѣзды, на экипажъ и шубу (!!), Глазовскому—г Курептеву, на тѣ же предметы (!) — 600 рублей, вятскому предсѣдателю г. Шубину—назначено заимообразно 300 рублей.... Саратовское уѣздное земское собраніе назначило предсѣдателю своей управы г. Абакумову 3,000 рублей, въ видѣ „наградъ“. Нашли люди время для наградныхъ поднесеній. На 3,000 рублей двѣ съ половиною тысячи пудовъ хлѣба купить бы можно. Аткарское земство „назначило 1,200 рублей пенсін (?) бывшему мировому судѣ, а теперь земскому начальнику г. Гордеру, богатому землевладѣльцу, получающему, кромѣ того, по новой должности, болѣе 2 тысячъ рублей въ годъ.“ Камышинское земство, самое бѣдное, постановило „выдать 3,000 рублей награды предсѣдателю своей управы г. Лаухъ“. Вольское земство „даетъ 500 рублей совсѣмъ уже постороннему для него человѣку—судебному приставу“...

*) Успенскій, тамъ же.

Въ „Новости“ пишутъ изъ Самары, что „по достовѣрнымъ извѣстіямъ, мѣстное продовольствіе вовсе изъемлетъ изъ вѣдѣнія земства“. Разсуждая вообще, нужно сознаться, что поступить такимъ образомъ слѣдовало бы не съ одними только самарскими земцами. Г. Успенскій говоритъ, что эти послѣдніе позволяли себѣ „жестокое издѣвательство надъ человѣкомъ, истощеннымъ голодомъ“. Но въ такомъ издѣвательствѣ виноваты очень многія земства. Эти ссуды, урѣзанія до нѣсколькихъ золотниковъ на фдока; эти „пролетарія, лишенные помощи; эти поля необсѣянные, благодаря мудрости управъ; эта мука, негодная въ пищу; эти „тридцать процентовъ сору“, перевозимые на земскій счетъ съ одного конца Россіи на другой; эти шубы, эти экипажи, эти награды, пенсіи и займы, раздаваемые земцами другъ другу, — все это есть самое безсердечное, самое безстыдное издѣвательство надъ голодными, соединенное съ самымъ недвусмысленнымъ хищничествомъ. Недостаточно устранить такихъ людей отъ завѣдыванія общественными дѣлами, ихъ нужно было бы, по выраженію Петра Великаго, весьма лишить живота. Но... здѣсь мы сталкиваемся съ вопросомъ—къѣмъ же могутъ быть замѣнены эти хищники? „Изъявъ“ продовольственное дѣло изъ вѣдѣнія земства, правительство передастъ его въ вѣдѣніе чиновниковъ. А чиновники окажутся еще хуже земцевъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что объ ихъ „хищеніяхъ“, пожалуй, совершенно запретятъ говорить въ печати. Кое какія свѣдѣнія относительно дѣятельности чиновниковъ по раздачѣ пособій попали въ печать, не смотря на цензурныя строгости; свѣдѣнія эти, какъ и слѣдовало ожидать, совсѣмъ неутѣшительны. Вотъ что сообщаютъ, на примѣръ, изъ Кокчетава Акмолинской области, въ „Рус. Вѣд.“ :

„Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ уже сообщалось объ общей голодовкѣ въ нашемъ уѣздѣ. Она коснулась всего населенія; крестьянамъ выдается уже пособіе отъ казны въ размѣрѣ одного пуда на cadaго челоуѣка въ мѣсяцъ; къ сожалѣнію, не все пособіе достигаетъ своего назначенія: пользуясь нуждой, доставители хлѣба изъ Кокчетава въ поселки—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—взимають съ получателя громадную провозную плату — на примѣръ, 4 пуда за десять пудовъ, какъ это было въ одномъ поселкѣ, — затѣмъ навиваются мельники, такъ что въ концѣ-концовъ нѣкоторымъ семьямъ приходится получать вмѣсто десяти пудовъ около 4-хъ; но это касается только крестьянъ, тогда какъ у насъ есть еще казаки и мѣщане; и тѣ, и другіе обращались съ просьбой о выдачѣ и имъ пособія отъ казны и первые кое-что получили, именно по одному рублю 60 к. на душу изъ войсковыхъ суммъ. Но что это въ сравненіи съ нуждой? Если даже предположить, что отъ неурожая страдаетъ половина казачьяго населенія, то, при правильной раздачѣ пособія только дѣйствительно нуждающимся, на челоуѣка придется съ небольшимъ 3 рубля, тогда какъ въ настоящее время мука продается по 1 р. 20 коп., а зимой можетъ вздорожать, и кромѣ того необходимъ кормъ скоту, сохраненіе котораго послѣ прокормленія людей должно быть признано предметомъ наибольшихъ стараній; назначеннаго пособія на это, конечно, не достанетъ; мѣщане же и такого пособія не получили, хотя нужда ихъ такая же, какъ и прочаго населенія. Но кромѣ казаковъ и мѣщанъ есть еще болѣе нуждающаяся часть населенія: это переселенцы, никуда не приписанные. Какъ не принадлежащіе къ мѣстнымъ обществамъ, они не имѣютъ права и на пособіе. Нѣкоторые изъ нихъ заблаговременно выбрались отсюда; другихъ же голодь засталъ вполне безпомощными.“

Словомъ, дѣло обстоитъ нисколько не лучше, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ. Да и на чьей отвѣтственности лежатъ позорные подвиги нашихъ земцевъ? Прежде всего и больше всего на отвѣтственности

правительства, систематически устранявшаго отъ общественной дѣятельности всѣ честные, т. е. на его языкѣ, „неблагонадежные“ элементы и всегда поощрявшаго лишь „благонамѣренныхъ“ хищниковъ и плутовъ. Мы никогда не были поклонниками нашихъ земскихъ учреждений: по нашему мнѣнію они были слишкомъ мало демократичны. И тѣмъ не менѣе, мы убѣждены, что лишь подъ вліяніемъ торжествующей реакціи образовался такой подборъ гласныхъ, при которыхъ возможны были вышеозначенныя безобразія. Разъ выдвинуть вопросъ объ „изъятіяхъ“, нужно начать съ изъятія всей Россіи изъ „вѣдѣнія“ царскаго правительства. Только при такомъ оборотѣ дѣлъ можно и должно надѣяться, что они пойдутъ лучше, чѣмъ идутъ теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, что дало голодающему народу наше правительство, ничѣмъ не связанное, руководствующееся только волей самодержца, да усмотрѣніемъ царскихъ министровъ и (по увѣренію „Рус. Мысли“) чутко отнесшееся „къ дѣлу предупрежденія хлѣбнаго кризиса“?

Извѣстно, что земства были очень скромны, слишкомъ скромны, преступно скромны въ опредѣленіи размѣровъ необходимыхъ для нихъ ссудъ на обрѣженіе полей и продовольствіе населенія. Но правительству и эта скромность показалаь непопозволительнымъ нахальствомъ. Оно стало еще болѣе „урѣзывать“ и безъ того уже до-нельзя „урѣзанныя“ требованія. Нижегородское земство испрашивало ссуду въ 8,2 мил. рублей, а получило 2, 8мл.; саратовское просило 9,5 мил., а получило 2,5 мил.; самарское просило 9,8 мил., а получило 4,4; рязанское просило 5 мил., а получило 900,000 рублей; казанское просило 6, а получило 4 мил. „Вполнѣ или почти вполнѣ получили испрашивавшіяся суммы только губерніи: Симбирская — 5 мил., Тамбовская — 2,3 мил. и нѣсколько другихъ губерній съ болѣе мелкими суммами вспомошествованія“ (Р. В., № 286). Эти цифры относятся къ срединѣ Октября, т. е. когда жатва давно уже была повсюду окончена, неурожай несомнѣненъ, а голодъ уже началъ свирѣпствовать въ пострадавшихъ мѣстностяхъ. Разумѣется, уменьшая размѣръ пособій, правительство мало заботилось о сколько нибудь благовидной мотивировкѣ своихъ дѣйствій. Г. Самаринъ говоритъ въ „Московскихъ Вѣдом.“ (№ 318), что представитель министерства финансовъ безъ дальнихъ околичностей заявилъ самарскому экстренному губернскому земскому собранію, что размѣръ ссуды на продовольствіе и обрѣженіе не можетъ простираться долѣе 6 милліоновъ. „Почему же не можетъ—спрашиваетъ г. Самаринъ, потому ли, что финансовыя средства государства не дозволяютъ увеличить ссуду выше этой суммы, или потому, что ходатайство самарскаго земства о ссудѣ въ 10 мил. неосновательно? Такъ какъ это заявленіе сдѣлано земскому собранію представителемъ министерства финансовъ и такъ какъ въ извѣстїи о немъ нѣтъ даже намека на неправильность исчисленія требуемой земствомъ ссуды, мы думаемъ, что въ основаніе заявленія легли соображенія исключительно финансоваго свойства. Такое отношеніе къ дѣлу по нашему мнѣнію неправильно.“ Нечего и говорить, до какой степени справедливо это мнѣніе. Но мы спро-

симъ „Московскія Вѣдом.“, какъ слѣдуетъ поступить съ правительствомъ, „неправильное“ поведеніе котораго грозитъ голодной смертью многомилліонному населенію?

А что царское правительство повело себя совсѣмъ неправильно, это хорошо доказываетъ тотъ же г. Самаринъ, въ тѣхъ же „Моск. Вѣдомостяхъ“. „Хотя—говоритъ онъ—на продовольствіе и ассигновано до сихъ поръ либо 60, либо 48 мил. (послѣднее вѣроятно же, такъ какъ въ 60 милліонахъ, упомянутыхъ недавно „Правительственнымъ Вѣстникомъ“, заключаются, повидимому, и 12 мил., отпущенныхъ по 1 Сентября на сѣмена), но земскія учрежденія губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, могли до сихъ поръ (т. е. до половины Ноября) производить операцію по закупкѣ хлѣба на продовольствіе только на 20 милліоновъ... Понятно, что если бы до 1 Сентября было отпущено на покупку хлѣба не по одному съ небольшимъ милліону на губернію*), то можно было бы воспользоваться и водными путями, чтобы двинуть массы хлѣба по Волгѣ и заготовить значительные запасы хлѣба въ приволжскихъ губерніяхъ. Тогда бы, конечно, и желѣзныя дороги не были обременены перевозкой предъявленныхъ имъ теперь такихъ значительныхъ массъ хлѣба, что онѣ не въ силахъ исполнить эту задачу. Наконецъ, если бы въ свое время размѣръ бѣдствія былъ опредѣленъ правильно, то успѣли бы даже приспособить и желѣзныя дороги для перевозки такихъ массъ хлѣба“.

Устами г. Самарина реакціонная газета предъявляетъ правительству слишкомъ уже значительныя требованія. Легко сказать — если бы въ свое время размѣръ бѣдствія былъ опредѣленъ правильно! Считаться съ неурожаемъ приходилось прежде всего министерству финансовъ, а можетъ ли г. Вышнеградскій придерживаться **правильныхъ** расчетовъ? Онъ специалистъ по части изысканія „свободныхъ наличностей“... въ пустомъ пространствѣ. Когда заговорили о неурожаѣ, онъ какъ кавалерійская лошадь, слышавшая звукъ трубы, немедленно пошелъ привычнымъ аллюромъ, т. е. принялся разыскивать свободную наличность хлѣба. Онъ заявилъ въ комитетѣ министровъ, что о недостаткѣ зерна въ Россіи не можетъ быть и рѣчи. Это же доказывалъ и „Вѣстникъ Финансовъ“ на основаніи несомнѣнныхъ будто бы статистическихъ данныхъ. Его отрадные выводы немедленно опровергались другими органами печати, но г. Вышнеградскій не унимался и, какъ видно, долго еще не уймется. Въ № 333 „Рус. Вѣдомостей“ мы находимъ слѣдующую телеграмму: „Петербургъ, 2-го Декабря. Помѣщенная въ 48-мъ номерѣ „Вѣстника Финансовъ“ статья подъ заглавіемъ: Результаты урожая 1891 года по отношенію къ потребленію“, приводя числовыя данныя размѣровъ потребленія и наличныхъ запасовъ хлѣба, заключаетъ ихъ выводомъ, что при расчетѣ потребленія на 9 мѣсяцевъ, по 1-ое Іюля 1892 года, запасы хлѣба не только не ниже, но даже выше нормальнаго средняго

*) „Вѣстникъ Европы“ замѣчаетъ, что здѣсь г. Самаринъ беретъ очевидно среднія цифры.

остатка потребленія. Въ концѣ статьи говорится: Въ этихъ условіяхъ полной обезпеченности снабженія до слѣдующаго урожая, настоящія высокія цѣны на хлѣбъ объясняются лишь неравномѣрнымъ распределеніемъ въ странѣ запасовъ и совершеннымъ видоизмѣненіемъ хода снабженія, такъ какъ вывозившія раньше хлѣбъ губерніи нынѣ сами нуждаются въ снабженіи, — видоизмѣненіемъ, къ которому торговля скоро приспособиться не можетъ, и наконецъ усиленными въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ закупками, повышающими ненормальность цѣны. Съ успокоеніемъ торговли и болѣе правильнымъ распределеніемъ запасовъ надо ждать пониженія цѣнъ, тенденціи къ которому, хотя не повсемѣстно ясно выраженная, начинается уже проявляться со второй половины ноября“.

По всему видно, что эти успокоительныя разсужденія являются отвѣтомъ на извѣстную статью графа Л. Толстого: **Страшный вопросъ**, надѣлавшую порядочнаго шума въ Россіи и вызвавшую доносъ „Московскихъ Вѣдомостей“ относительно заговора, будто бы составленнаго Толстымъ въ сообществѣ съ В. Соловьевымъ. Графъ Толстой говорилъ, что никому неизвѣстно съ точностью, хватитъ ли у насъ хлѣба до новой жатвы, и что Россія окажется въ ужасномъ положеніи, если его не хватитъ. Г. Вышнеградскій, черезъ посредство своихъ рептилій, съ истинно хлестаковской развязностью отвѣчаетъ, что хлѣба у насъ болѣе чѣмъ нужно. Задавая свой страшный вопросъ, графъ Толстой, по своему обыкновенію, упустилъ изъ вида сущность дѣла. Онъ не вспомнилъ, что если бы даже у насъ и было такое количество хлѣба, какого могло бы хватить для прокормленія всего населенія Россіи,—это еще вовсе не рѣшало бы дѣйствительно **страшной** стороны вопроса: это не ручалось бы намъ за то, что у сельской и городской „бѣдноты“ хватитъ денегъ на покупку продовольствія. Г. Вышнеградскій, какъ финансистъ, прекрасно понимаетъ, конечно, что одно дѣло „свободная наличность“ даннаго товара, а иное дѣло такъ называемый въ политической экономіи **дѣйствительный спросъ** на него, опредѣляемый состояніемъ кошелька лицъ, нуждающихся въ этомъ товарѣ: кто ничего не имѣетъ, тотъ не можетъ купить даже дешеваго товара. Знаетъ г. Вышнеградскій и то, что состояніе кошельковъ у населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей—болѣе чѣмъ плачевно. Но, подобно гоголевской унтеръ-офицерской женѣ, онъ отъ своего счастья не отказывается: онъ не считаетъ нужнымъ поправлять безпокойнаго графа; напротивъ, онъ пользуется его ошибкой для того, чтобы окончательно отвести глаза читающей публикѣ.

Г. Вышнеградскій не лжетъ, когда говоритъ, что съ половины Ноября цѣны мѣстами начали понижаться. Онъ только обходитъ истинную причину этого явленія, намекая въ то же время, что оно вызвано „успокоеніемъ торговли“. Въ дѣйствительности, объ успокоеніи торговли можно говорить въ этомъ случаѣ лишь очень условно; оно имѣло мѣсто развѣ въ томъ смыслѣ, что кулаки-торговцы въ половинѣ Ноября могли уже съ полною увѣренностью сказать себѣ: голодный годъ не только не вырвалъ изъ нашихъ рукъ крестьянина, но еще болѣе подчинилъ его нашей власти. Это, безспорно,

должно было подѣйствовать на нихъ очень успокоительно. Но...
отвѣтъ ли это, полно?

Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній годъ, годъ ужаснѣйшихъ бѣдствій для огромной массы крестьянъ, мѣщанъ и рабочихъ, является годомъ небывалаго процвѣтанія кулаковъ всѣхъ оттѣнковъ и разновидностей. Чтобы хоть на короткое время избавиться отъ мученій голода, бѣднота поневолѣ отдастъ имъ рѣшительно все, что имѣетъ, начиная со своихъ земельныхъ надѣловъ и кончая косами женщинъ. „Приѣхали, сначала всѣ лучшія вещи забрали — рассказываетъ дѣвушка, побывавшая въ Рязанской губерніи, о купцахъ, наѣхавшихъ изъ Москвы для покупки крестьянскаго имущества — кички за два рубля брали... У насъ, знаете, у бабъ кички старинныя, богатыя, золотомъ вышитыя... Шитье-то они выплавливаютъ, а остальное бросаютъ... Плачутъ бабы, а нечего дѣлать — отдавать приходится. Опять, вотъ, шугай... Тоже всѣ скупилъ за безцѣнокъ. Шугай тонкіе, изъ молодой шерсти... Теперь и косы скупаютъ... У бабъ волоса покупаютъ... Заливаются слезами, да владутъ головы на столъ подъ бритву... У самага корня срѣзаютъ, чтобъ длиннѣе волосъ былъ... У кого коса русая, густая, длинная — по два рубля даютъ“... („Новости“ № 276). Дѣятельность Разуваевыхъ приняла такіе широкіе размѣры, что вызвала безпокойство даже въ высшихъ сферахъ: симбирскій губернаторъ обратился къ земскимъ начальникамъ съ циркуляромъ (отъ 19 Октября), въ которомъ предписывалъ имъ сдѣлать распоряженіе, чтобы волостныя и сельскія управленія не свидѣтельствовали никакихъ договоровъ и условій о продажѣ или закладѣ озимей и вообще урожая съ надѣльной земли. „При разѣздахъ вашихъ по участку и при удобныхъ случаяхъ вы не оставите крестьянъ безъ надлежащихъ разъясненій, что они не могутъ продавать или закладывать предстоящаго урожая съ надѣльной земли — говоритъ г. губернаторъ — который прежде всего долженъ служить обезпеченіемъ въ безнедоимочному выполненію лежащихъ на крестьянахъ податныхъ обязанностей и обезпеченіемъ ихъ быта“ (Р. В. № 333). **Обезпечеіе быта** есть, разумѣется, не болѣе какъ канцелярская фраза, долженствующая нѣсколько прикрыть пстанный взглядъ правительства на крестьянина, какъ на существо, которое не только землю владѣетъ, но и живетъ на свѣтѣ единственно затѣмъ, чтобы „безнедоимочно выполнять лежащія на немъ податныя обязанности“. Въ этихъ „обязанностяхъ“ все дѣло: „смотри, не по чину берешь, — говоритъ кулаку заботливый помпадуръ, — если ты окончательно съѣшь крестьянина, то чѣмъ же будутъ питаться высшія сферы? Бери, но оставь и намъ что нибудь, живи и жить давай другимъ“. Мы увѣрены, что земскіе начальники не замедлятъ разъяснить все это кому слѣдуетъ, но мы напередъ знаемъ, что пзъ ихъ разъясненій ровно ничего не выйдетъ. Крестьяне отдаютъ кулакамъ свое движимое и недвижимое имущество не по легкомыслію, а по нуждѣ, нужда же не устраняется административными „разъясненіями“. Напротивъ, она все болѣе и болѣе возрастаетъ, пменно благодаря тому „безнедоимочному выполненію лежащихъ на крестьянахъ обязанностей“, которое одно только и озабочиваетъ нашихъ помпадуровъ. Такъ происходило дѣло съ давнихъ временъ;

такъ происходитъ оно и въ нынѣшнемъ голодномъ году, когда на крестьянина слѣдовало бы, кажется, взглянуть не только какъ на платежную силу.

Когда „недородъ хлѣбныхъ произведеній“—какъ выражается нашъ коронованный недоросль въ рескриптѣ на имя своего сына и наследника—сдѣлался фактомъ, неподлежащимъ уже никакому сомнѣнiю, земства пострадавшихъ губерній стали хлопотать о разсрочкѣ на нѣсколько лѣтъ лежащихъ на крестьянахъ недоимокъ и платежей. Ходатайства ихъ были „отклонены“; правительство допустило лишь „отсрочку платежей до урожая 1892 года властью губернскихъ присутствiй селенiямъ, получившимъ отъ земствъ ссуду на обсеменение полей или продовольствiе, и притомъ лишь по предъявленiи просьбы со стороны обществъ и подъ условiемъ согласiя на разрѣшенiе льготъ со стороны губернскаго представителя министерства финансовъ“. Но и въ такихъ случаяхъ могли быть отсрочены лишь текущiе выкупные платежи, „поземельный же налогъ, окладъ котораго сравнительно незначителенъ, предписано собрать по возможности сполна“ (Р. В. № 228). Къ чему должно было повести подобное предписанiе, понять не трудно.

„Курскъ, 18 Октября въ залѣ курскаго окружнаго суда... разсмотрѣно дѣло по обвиненiю крестьянина Польшина, волостного старшины Кроснянской волости, Обоянскаго уѣзда, въ томъ, что онъ при собиранiи податей принималъ побудительныя мѣры, воспрещенныя закономъ. Волостной старшина Польшинъ при собиранiи недоимокъ, въ случаѣ если крестьянинъ почему либо не платитъ добровольно, для побужденiя его къ уплатѣ практиковалъ слѣдующее: по его приказу сотскiе разували плательщика и, повѣсивъ ему на шею лапти и онучи, привязывали самого къ гвоздямъ, вбитымъ въ стѣну, за руки, задомъ къ ней; затѣмъ лили на голову воду“... (Рус. Вѣд. № 302).

Курская губернiя официально причислена къ губернiямъ, пострадавшимъ отъ „недорода хлѣбныхъ произведенiй“. Трудно найти достаточно сильныя выраженiя для характеристики этого выбиванiя недоимокъ изъ голодающаго населенiя, выбиванiя, которое по остроумiю замысла можетъ сравниться только со звѣрствами временъ Бирона. Положимъ, волостной старшина приговоренъ за превышенiе власти къ тюремному заключенiю, но приговоренъ только за употребленiе „побудительныхъ мѣръ, недозволенныхъ закономъ“, а не за выбиванiе недоимокъ. Если бы онъ сѣкъ недоимщиковъ, вмѣсто того, чтобы обливать ихъ водою, то онъ заслужилъ бы полное одобренiе со стороны начальства.

Рептилинъ г. Вышнеградскаго, указывая на происшедшее мѣстами пониженiе хлѣбныхъ цѣнъ, приписываютъ его „успокоенiю торговли“. На самомъ дѣлѣ оно оказывается слѣдствiемъ „неукоснительнаго“ взыскаиiя податей въ голодающихъ губернiяхъ. При этомъ мѣры, принятыя правительствомъ для „обезпеченiя народнаго продовольствiя“ самымъ удивительнымъ образомъ сталкиваются съ мѣрами, принимаемыми его же чиновниками для безнедоимочнаго поступленiя въ казну „окладныхъ сборовъ“. Вятская губернiя настолько постра-

дала отъ неурожая, что правительство нашло нужнымъ запретить вывозъ хлѣба изъ ея предѣловъ. Сначала крестьяне очень радовались этому запрещенію. Но пришло время взноса податей, и картина измѣнилась. Крестьяне стали тайкомъ провозить свой хлѣбъ на продажу за границы губерніи. „При этомъ крестьяне, конечно, несутъ потери — говоритъ „Волжскій Вѣстникъ“, — такъ какъ цѣны, вслѣдствіе запрещенія вывоза и риска тайной торговли, повсюду понизились“ (курсивъ нашъ). Подобное же явленіе имѣло мѣсто по всему Поволжью: Сборъ податей въ этой мѣстности привелъ къ тому, что цѣны на хлѣбъ нѣкоторое время были тамъ ниже, чѣмъ въ урожайныхъ губ. Какая невѣроятная доза плутовства и безстыдства нужна для того, чтобы выставять подобное пониженіе цѣнъ какъ утѣшительный отвѣтъ на дѣйствительно страшный вопросъ, волнующій всѣхъ честныхъ людей въ Россіи!

Читатель знаетъ, что продовольственная ссуда выдается лишь „ѣдокамъ“ нерабочаго возраста. Лицамъ отъ 15 до 55 лѣтъ предоставлено пропитываться заработками, въ виду чего и облегчена выдача паспортовъ въ нуждающихся губерніяхъ†). Но всякому было извѣстно, что трудно будетъ найти заработокъ во время почти повсюдной полной безработицы. Чтобы помочь горю, продуманы были „общественныя работы“. О нихъ кричала вся печать, причемъ даже ея „передовые“ органы наивно замѣчали, что непременно слѣдуетъ воспользоваться существующей теперь дешевизной рабочихъ рукъ. „Трудно, кажется, сказать, гдѣ тотъ уголокъ Россіи, гдѣ бы не было нужды въ общественной работѣ—разсуждаетъ князь Мещерскій;— слѣдовательно, совсѣмъ не трудно приняться за введеніе общественныхъ работъ“. Работы были, дѣйствительно, начаты. Рѣшили взяться за „лѣсоустройство“ въ казенныхъ дачахъ тринадцати наиболѣе важныхъ губерній. Для осуществленія этого широко задуманнаго плана правительство „ассигновало“... 200,000 рублей.... Потрудитесь сами расчитать, сколько придется на каждую волость. Рѣшено было также приступить къ устройству новыхъ и поправкѣ старыхъ шоссе и грунтовыхъ дорогъ. На это отпущено 1.125,000 рублей. Наконецъ, начата постройка двухъ желѣзныхъ дорогъ: Московско-Казанской и Курско-Воронежской. Общее число рабочихъ, занятыхъ на этихъ линіяхъ въ Октябрѣ, не превышало 9 съ половиною тысячъ человѣкъ; впоследствии предполагалось прибавить къ этому числу еще четыре съ половиною тысячи. Не знаемъ, какова судьба этого „предположенія“, но это все равно. „Что значать эти тысячи, когда въ заработкахъ нуждаются милліоны?“ — справедливо замѣчаютъ „Рус. Вѣд“. Конечно, — значать ровно столько же, сколько значить капля въ морѣ. Но это еще не все. По словамъ симбирскаго губернатора, на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ „работа предлагается на чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ; такъ, за вырытіе кубика земли рабочіе получаютъ отъ подрядчика, смотря по разстоя-

† Облегченная выдача паспортовъ не облегчила, однако, голодающимъ возможности передвиженія; во многихъ городахъ полиція высылаетъ „административнымъ порядкомъ“ крестьянъ, являющихся искать работы.

нію, на какое слѣдуетъ везти землю, отъ 60 до 90 коп., тогда какъ сами подрядчики получаютъ за ту же работу отъ 2 руб. до 2 руб. 50 коп.“ На Курско-Воронежской дорогѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, платятъ за кубическую сажень „выемки или насыпи 1 р. 40 коп., взыскивая при томъ за поломку инструментовъ (даже деревянныхъ частей лопаты), которые, само собою разумѣется, портятся, если ими работаютъ, (Р. В., № 307). Какъ видно, у насъ нѣтъ недостатка въ людяхъ, умѣющихъ пользоваться „дешевизной рабочихъ рукъ“. Но и это еще не все. Главное дѣло въ томъ, что „земляныя работы требуютъ особой привычки, выносливости и силы. Землекопы берутся поэтому обыкновенно только изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, которыя въ число пострадавшихъ въ нынѣшнемъ году не попали. Понятно, что строители дорогъ постарались возможно ограничить штатъ рабочихъ изъ неурожайныхъ губерній и наняли голодающихъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда по какимъ либо обстоятельствамъ не представлялось другого выбора. Этимъ объясняется, что въ Старооскольскомъ, напримѣръ, уѣздѣ не было нанято, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, ни одной партіи, несмотря на желаніе, заявленное многими крестьянами. Но не одинъ Старооскольскій уѣздъ постигла неудача. Подобныя же свѣдѣнія получены изъ другихъ мѣстностей. Въ предѣлахъ, напримѣръ, Воронежской губ., по словамъ мѣстныхъ газетъ, на линіи Курско-Воронежской жел. дороги работаетъ нѣсколько партій крестьянъ Воронежской и Курской губерній, но инженеры жалуются о томъ, что землекоповъ пришлось взять изъ этихъ губерній“ (Р. В. тотъ же №). Изъ всего этого съ неотразимой силой вытекаетъ тотъ выводъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ (эта важнѣйшая, по своимъ размѣрамъ, изъ всѣхъ предпринятыхъ теперь общественныхъ работъ), не принося пользы населенію голодающихъ губерній, очень полезна предпринимателямъ-подрядчикамъ, которые выжимаютъ послѣдніе соки изъ рабочихъ, нанятыхъ въ урожайныхъ мѣстностяхъ. Но на какіе же заработки можетъ, въ такомъ случаѣ, рассчитывать взрослое населеніе пострадавшихъ губерній, лишенное продовольственной ссуды именно подъ предлогомъ будущихъ заработковъ? Ему остается только нищенствовать. Но не прокормить его и нищенство. Мы уже знаемъ, крестьяне почти ничего не подаютъ нищимъ по той простой причинѣ, что у нихъ ровно ничего нѣтъ; „общество“ же, къ которому взываетъ наша печать, обнаруживаетъ прямо неприличное равнодушіе къ судьбѣ голодающихъ. „Незначительны жертвы, принесенныя и приносимыя обществомъ — читаемъ мы въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“... Стоитъ только вспомнить цифры пожертвованій, собранныхъ учрежденіями Краснаго Креста и попечительствами, состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Если эти цифры вмѣстѣ взятыя, лишь немногимъ болѣе $\frac{3}{4}$ милліона, то можно сказать съ увѣренностью, что общій итогъ суммъ, поступившихъ отъ частныхъ лицъ, не доходитъ даже до минимальной цифры, предположенной нами мѣсяць тому назадъ — до двухъ милліоновъ. Надо замѣтить, что значительная доля этого незначительнаго итога составила изъ взносовъ рабочихъ и бѣдности, съ грѣхомъ пополамъ

перебивающейся „службой“ и различными родами умственного труда. Какъ же ничтожны крохи, кинутыя голодному народу богатыми слоями „общества“, ежегодно получающими, въ видѣ поземельной ренты, предпринимательской прибыли и процентовъ на капиталъ, по меньшей мѣрѣ сотни милліоновъ дохода!

Не бѣда, что потернть мужикъ,
Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало, да онъ же привыкъ!

Сосчитаемъ теперь все, что было сдѣлано для голодающаго населенія Россіи.

Общество не дало ему пока и двухъ милліоновъ, а въ то же время, въ лицѣ самыхъ богатыхъ и самыхъ вліятельныхъ своихъ членовъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, оно, подъ предлогомъ помощи голодающимъ, стало „ходатайствовать“ о новыхъ „льготахъ“ и вспомоществованіяхъ, долженствовавшихъ еще болѣе наполнить и безъ того уже полные карманы эксплуататоровъ.

Правительство дало „либо 60, либо 48 милліоновъ“ въ видѣ продовольственной ссуды (т. е. взаймы), и въ то же время стало собирать въ голодныхъ губерніяхъ подати, которыя должны были принести ему по меньшей мѣрѣ такую же сумму*). Извѣстно, съ какою жестокостью и съ какимъ успѣхомъ дѣлали это царскіе чиновники. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ въ голодающихъ мѣстностяхъ доказываетъ, что сборъ податей вырвалъ и бросилъ на рынокъ послѣдніе куски хлѣба, имѣвшіеся въ рукахъ крестьянства.

Рядомъ съ жестокостью и безчеловѣчіемъ, свойственными лишь азіатскимъ деспотамъ, русское правительство издавна отличалось лицемѣріемъ, далеко оставляющимъ за собою лицемѣріе Тартюфа. Ему показались подозрительными даже тѣ ничтожныя проявленія общественнаго сочувствія къ голодающимъ, о которыхъ мы говорили выше. Чтобы регулировать будто бы опасный потокъ этого сочувствія, придумано было учрежденіе „Особаго комитета“, о которомъ торжественно оповѣстилъ Россію Александръ III въ безграмотномъ рескриптѣ на имя наслѣдника. Въ члены комитета выбраны столь популярныя лица, какъ Побѣдоносцевъ, Дурново, фонъ-Плеве, Воронцовъ-Дашковъ и гофмейстеръ графъ Строгановъ. Мрачный, полупомѣшанный изувѣръ, два полицейскихъ сыщика и два придворныхъ интригана подъ предсѣдательствомъ больного наслѣдника—вотъ кому поручено главное руководство дѣломъ общественной благотворительности. Кто не захочетъ идти рядомъ съ ними, тотъ — нигилистъ и ерамольникъ, заслуживающій самаго строгаго наказанія.

Къ сожалѣнію, и этотъ дерзкій вызовъ, обращенный въ лицо всему обществу, остался безнаказаннымъ: дѣтушки слушали, ложки отерли, сказали спасибо...

Итальянская колонія въ Москвѣ собиралась дать концертъ,

*) Общая сумма окладныхъ сборовъ съ 50 губ. Европейской Россіи простирается до 120 мил. рублей. Принимая въ соображеніе, что голодомъ поражены теперь губерніи, считавшіяся прежде богатѣйшими во всей имперіи, можно съ увѣренностью сказать, что онъ платятъ не менѣе 60 мил. сборовъ.

сборъ съ котораго пошелъ бы въ пользу голодающихъ. Этотъ концертъ былъ запрещенъ, причемъ всѣмъ иностраннымъ колоніямъ въ Россіи было поставлено на видъ, что такая же судьба впредь ожидаетъ всякое предпріятіе такого рода. Помилуйте, какъ же вы хотите, чтобы мы брали деньги отъ иностранцевъ! Вѣдь они, пожалуй, перестанутъ послѣ этого давать намъ займы.

Земство... Мы знаемъ, что получивъ ссуду, заботливые и расторопные земцы поручили закупку хлѣба кулакамъ-хлѣботорговцамъ; заплатили дорогой цѣной за хлѣбъ, иногда совершенно негодный ни для посѣва, ни для питанія; роздали ссуду съ такою поразительною справедливостью, что богатымъ крестьянамъ достались десятки пудовъ, а бѣднымъ пришлось лишь по нѣскольку фунтовъ или даже золотниковъ; наконецъ, удививъ всю Россію своею дѣятельностью, эти безкорыстные люди, въ гордомъ сознаніи совершенныхъ ими подвиговъ, начали преподносить самимъ себѣ награды, экппажи и шубы и даже раздавать земскія деньги своимъ соперникамъ, представителямъ администраціи, земскимъ начальникамъ.

Судите послѣ этого о прекраснодушнѣй „Русской Мысли“, которая убѣждена, что „пусть только пойдутъ широкимъ русломъ частныя пожертвованія—и наиболѣе острый кризисъ безъ особаго труда будетъ осилень!“ Видали ли вы когда нибудь болѣе невинныхъ барашковъ?

Нѣтъ, чтобы осилить переживаемый нами острый кризисъ нужно очень много труда, и притомъ труда именно особаго, такого труда, на который, въ сожалѣнію, мы не находимъ даже и намека ни въ одномъ изъ „передовыхъ“ органовъ нашей печати.

Въ настоящее время, подѣ влияніемъ неурожая, у насъ пошли толки объ „искусственномъ дождѣ“, который избавитъ насъ отъ столь непріятныхъ случайностей. Если на борьбу съ послѣдствіями голода тратятся милліоны рублей, то можно бы кажется затратить нѣсколько сотъ тысячъ на опытъ борьбы съ его причинами, говорятъ просвѣщенные землевладѣльцы. Дѣйствительно слѣдуетъ, ни мало не медля, начать энергичную борьбу съ причинами бѣдствія, не только поразившаго нынѣ цѣлую треть Россіи, но и грозящаго сдѣлаться постояннымъ. Нельзя, однако, достаточно надивиться наивности людей, видящихъ спасеніе нашей страны въ результатахъ пока еще весьма сомнительныхъ опытовъ надъ „искусственнымъ дождемъ“. Не надо подниматься до облаковъ, чтобы открыть причины голода; онѣ находятся на землѣ, онѣ заключаются въ общественныхъ отношеніяхъ Россіи. Противъ этихъ-то отношеній и должны бороться всѣ тѣ, которые не хотятъ по выраженію Рылѣва, въ роковое время поворить гражданина санъ.

Не угодно ли вамъ вдуматься въ слѣдующую табличку, заимствованную г. С. Шараповымъ изъ земскаго сборника Новоузенскаго уѣзда (Новое Время, 13 Октября 1891).

1880 г. — неурожай.

1881, 1882, 1883 и 1884 г. — урожай.

1885 г. — неурожай, саранча.

1886 г. — неурожай, почти голодъ.

- 1887 г. — травы хороши. Рожь пропала. Яровое ниже средняго.
1888 г. — тоже. Раздавали продовольствіе.
1889 г. — травы плохи. Рожь пропала, яровые ниже средняго.
1890 г. — урожаем хлѣбовъ и травъ плохой.
1891 г. — **полный неурожай всего.**

На 4 урожайныхъ года — семь неурожайныхъ! Другими словами, послѣднее десятилѣтіе въ мѣстности, о которой идетъ рѣчь, **неурожай сталъ обычнымъ явленіемъ, а урожай представилъ собою лишь счастливое исключеніе.**

Вотъ по истинѣ странное положеніе дѣлъ, едва ли объяснимое одной засухой. Въ самомъ дѣлѣ, неужели нашъ климатъ до такой степени перемѣнился, что страна, еще недавно бывшая почти исключительно земледѣльческой страной, можетъ теперь сѣять хлѣбъ не иначе какъ въ убытокъ? Тутъ что-то не такъ! Припомнимъ нѣкоторыя элементарныя истины, касающіяся сельскаго хозяйства.

Кому неизвѣстно, что чѣмъ лучше приемы обработки почвы, тѣмъ лучше сопротивляется она всякаго рода случайнымъ (атмосферическимъ и другимъ) вреднымъ вліяніямъ? Кому неизвѣстно, что урожай зависятъ, напримѣръ, отъ удобренія? Кому неизвѣстно также, что удобреніе немислимо или, по крайней мѣрѣ, очень затруднительно, а для крестьянъ совершенно недоступно тамъ, гдѣ нѣтъ скота? Курское губернское земство убѣдилось, что „почва губерніи до того истощилась, что уже не можетъ давать сколько нибудь хорошихъ урожаяевъ“; оно убѣждено также, что „такъ какъ верхній слой земли сильно истощился, то только воздѣлываніе земли глубоко врѣзывающимся плугомъ въ состояніи поднять урожай въ губерніи“ (Н. Время). Это можно сказать рѣшительно обо всей Европейской Россіи: **только введеніе лучшихъ сельско-хозяйственныхъ приемовъ могло бы поднять въ ней урожай.** Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Улучшались ли эти приемы, напримѣръ, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія? Не только не улучшались, но постоянно становились все хуже и хуже, такъ какъ крестьянское хозяйство все болѣе и болѣе раззорялось. Дурные урожай подрывали экономическую силу населенія, а подрывъ его экономической силы приводилъ къ новымъ и новымъ неурожаямъ. Такимъ-то образомъ мы и пришли къ тому удивительному положенію, что неурожай сталъ обычнымъ явленіемъ, **необходимымъ слѣдствіемъ того способа обработки земли, на который у крестьянина только и хватаетъ силы.** Случайныя атмосферическія вліянія, приносившія съ собою урожай, могли отдалить на нѣсколько лѣтъ быстро приближавшуюся развязку, но измѣнить роковой ходъ вещей они не были въ состояніи. Неизбѣжная катастрофа разразилась, наконецъ, въ 1891 году. Она нанесла послѣдній ударъ крестьянскому хозяйству. Она добила его, какъ выразилось „Новое Время“. Само правительство не иначе понимаетъ нынѣшній „сельско-хозяйственный кризисъ“. Въ № 188 „Волжскаго Вѣстника“ напечатано слѣдующее извлеченіе изъ официальныхъ свѣдѣній о постепенномъ упадкѣ экономическаго быта поволжскихъ крестьянъ.

„За послѣднее время видно, что переживаемый Поволжьемъ кри-

зисъ начался еще два года тому назадъ, такъ какъ съ этого именно времени стало замѣчаться значительное уменьшеніе поступленія окладныхъ сборовъ съ сельскихъ сословій Поволжья. Это явленіе обнаруживалось въ сильной степени, главнымъ образомъ, въ тѣхъ губерніяхъ, положеніе которыхъ потребовало энергическихъ мѣръ къ обезпеченію продовольствія... Такъ, съ крестьянскаго населенія Самарской губ. въ 1889 г. окладныхъ сборовъ было получено менѣе (противъ оклада) на 1.204,210 руб., а въ 1890 г. этотъ недоборъ возросъ уже до 1.996,968 р. Съ Казанской губ. оклад. сбор. въ 1889 г. было получено болѣе на 85,422 р. (этотъ излишекъ пошелъ на погашеніе недоимокъ отъ предшествующихъ годовъ), а въ 1890 г. на 2,063,731 руб. менѣе. Съ Нижегородской губ. какъ въ 1889, такъ и въ 1890 былъ недоборъ, причѣмъ окладныхъ сборовъ поступило въ 1889 на 340,238 р., а въ 1890 на 869,442 р. менѣе; съ Симбирской — въ 1889 поступило на 253,032 р., а въ 1890 на 653,623 р. менѣе; съ Саратовской — въ 1889 на 22,538 р., а въ 1890 на 377,130 руб. менѣе (противъ оклада). Увеличеніе недоборовъ по окладнымъ сборамъ въ перечисленныхъ губ. въ 1890 **вполнѣ совпадаетъ съ уменьшеніемъ, противъ предшествовавшаго, собраннаго сельскимъ населеніемъ количества зерновыхъ хлѣбовъ**: такъ, въ Самарской г. собрано было хлѣбовъ въ 1889 г. 48.469,000 пуд., а въ 1890 — 41.971,000 пуд., въ Казанской губ. урожай 1889 далъ 37.620,000 пуд., а въ 1890 27.471,700 пуд., въ Симбирской губ. въ 1889 получено было отъ урожая 38.139,000 п., а въ 1890 — 29.422,300 пуд.; въ Нижегород. губ. въ 1889 — 20.839,000 пуд., а въ 1890 — 15.298,100 пуд.; наконецъ въ Саратов. губ. урожай 1889 далъ 59.524,000 пуд., а въ 1890 году 51.960,400 пуд. Такимъ образомъ ясно, что уменьшеніе сбора хлѣбовъ увеличило недоборы окладныхъ сборовъ. Соответственно уменьшенію урожая въ увеличивалась также и сумма недоимокъ окладныхъ сборовъ. Наболѣе ихъ числится въ губ. Самарской и Казанской. Къ 1 Января текущаго года эти недоимки достигли слѣдующихъ размѣровъ: въ Самар. губ. 11.378,733 руб., въ Казанской — 7.901,976 руб., въ Нижегород. 2.504,229 руб., въ Саратов. 2.287,330 р., въ Симбир. 1.422,214 руб.

Относительно Самарской губерніи у насъ есть, кромѣ того, очень интересныя данныя, собранныя въ ноябрьской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ за истекшій годъ. Изъ этой статьи видно, что самарскіе крестьяне никогда не могли оправиться отъ послѣдствій знаменитаго самарскаго голода. 1873 и особенно 1879—1880 гг. поставили крестьянское хозяйство въ затруднительное положеніе относительно продовольственныхъ средствъ: населеніе голодало по случаю полного неурожая хлѣбовъ, рабочій и рогатый скотъ падалъ отъ безкормицы. Все, что оставалось отъ мірскихъ капиталовъ и волостныхъ вспомогательныхъ кассъ было разобрано по рукамъ и истрачено въ 1880 году... Этотъ достопамятный годъ сильно подорвалъ экономическое благосостояніе крестьянъ, тѣмъ болѣе, что распространившіяся съ этого момента эпизоотія и конокрадство значительно уменьшили рабочій и рогатый скотъ въ губерніи: за послѣднее пятилѣтіе эпизоотія похитили въ губерніи 536,244 головы крупнаго рогатаго скота...

Въ одномъ Новоузенскомъ уѣздѣ по свѣдѣнiямъ уѣздной управы отъ одной безкормицы пало 58,500 лошадей и 90,000 воловъ. „Затѣмъ задолженность крестьянскаго населенiя усилилась еще болѣе вслѣдствiе плохихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ въ 1888 — 1889 годахъ. Масса лучшихъ надѣльныхъ земель и выгоновъ за безцѣнокъ сдана обществами въ долгосрочную аренду или заложена за долги своимъ и стороннимъ богатѣямъ. Такихъ сданныхъ и заложенныхъ земель статистическимъ бюро зарегистрировано въ губернiи 453,917 десятинъ“...Крестьянинъ былъ совершенно въ рукахъ кулака, услугами котораго онъ, естественно, дорожилъ болѣе всего во время сбора податей.“ Все, что бы ни зарабатывалъ, онъ зарабатываетъ черезъ своего кулака или купца, или лучше — онъ работаетъ не на себя, а на эту категорiю лицъ. Хлѣбъ крестьянинъ продаетъ не непосредственно въ руки потребителя или даже крупнаго скупщика, а въ руки мелкаго посредника, который очень часто его обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ, и это... потому, что очень часто крестьянину нужны бываютъ деньги именно въ данный моментъ, можетъ быть въ моментъ минимальныхъ рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данномъ мѣстѣ; ждать же момента повышенiя цѣнъ нельзя: пришло время и подати платить, и аренду за землю, справлять разныя сельско-хозяйственныя нужды, семью кормить до другого урожая... Вотъ при такихъ-то условiяхъ экономическая задолженность населенiя ростовщеву не рѣдко тянется цѣлыя годы, тянется до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не раззоритъ крестьянина: продаются на сносъ изба, сарай, рабочiй скотъ, телѣга, а самъ раззорившiйся поступаетъ къ кому нибудь въ батраки вмѣстѣ съ женой“... Часто онъ дѣлается нищимъ. Въ Самарской губернiи (кромѣ городовъ, посада Мелекеса и пригорода Сергiевска) числится 7.687 человекъ нищихъ обоюго пола. „Въ нашей губернiи съ глубокимъ черноземомъ, производящей на продажу бѣлотурку и др. красныя хлѣба, крестьянамъ изъ года въ годъ не достаетъ собственнаго хлѣба на обмѣненiе полей и на собственное продовольствiе, — продолжаетъ г. Красноперовъ — и потому: къ веснѣ или даже съ осени, вскорѣ послѣ уборки хлѣба, покупаютъ его въ кредитъ у посѣвщиковъ крестьянъ и купцовъ по неизмовѣрно высокимъ цѣнамъ, у тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ въ августѣ и сентябрѣ они за безцѣнокъ отдають свой хлѣбъ въ уплату долга.“

Странно было бы ожидать хорошей обработки земли при такомъ положенiи земледѣльца, а въ такомъ положенiи бѣдствiе 1891 года застало крестьянъ почти всей Россiи. Въ Октябрѣ 1890 года изъ Александрiйскаго уѣзда, Херсонской губ., писали, что тамъ цѣлыя села не могли внести въ государственное казначейство ни одной копѣйки. Въ Воронежской губ. несостоятельными оказывались цѣлыя уѣзды. Изъ 16,000 всѣхъ дворовъ Задонскаго уѣзда недоимка числилась за 11,000 дворовъ; недоимка эта достигала въ среднемъ огромной суммы 22 руб. на плательщика. Въ Землянскомъ уѣздѣ недоимка достигала 26 руб. на плательщика; недоимщики же составляли 87 процентовъ общаго числа дворовъ уѣзда. Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ 82 процента всѣхъ крестьянскихъ дворовъ оказались неисправными плательщиками налоговъ, а въ среднемъ на каждый изъ

нихъ падало 36 рублей недоимки. Пермская и Нижегородская губерніи уже въ 1890 году страдали отъ голода. О Таврической губ. лѣтомъ того же года писали въ „Новоросс. Тел.“: „Бѣдность видна во всемъ: въ питаніи, въ одеждѣ, еще осень не вступила въ свои права, а ужъ изъ разныхъ уѣздовъ... получаютъ извѣстія о появленіи тифа, дифтерита, гастрита и другихъ бичей, съ которыми земскіе врачи въ селахъ не въ состояніи бороться.“ Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (1890 г. № 497) указывалъ на „неизбѣжное ховяйственное разстройство“ крестьянъ Кіевской губерніи.

„Во многихъ мѣстностяхъ образовалось какое-то новое крѣпостное право — говоритъ г. Слонимскій въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“; за 1890 годъ — господами являются уже не помѣщики, а кабатчики, кулаки и міроѣды, грубые полуграмотные хищники, разоряющіе народъ съ безпощадною послѣдовательностью. Необходимость взноса податей въ самые неудачные для хозяйства сроки, а также неотложныя хозяйственныя нужды заставляютъ крестьянскія массы прибѣгать къ такому убійственному кредиту, о какомъ не мечтали худшіе ростовщики на Западѣ.“ Далѣе авторъ, словами одного изслѣдователя, слѣдующимъ образомъ описываетъ общераспространенное у насъ явленіе торговли рабочей силой бѣднѣйшихъ крестьянъ.

„Зимою, когда бѣдняку (Олонецкой губ.) угрожаетъ экзекуція за неплатежъ податей, или весною, когда ему ѣсть нечего, десятникъ (такъ называютъ здѣсь торговцевъ людьми) за безцѣнокъ покупаетъ лѣтній трудъ бѣдняковъ, выдавая имъ впередъ задатки отъ 15 до 30 руб. на человѣка. Весною десятники гонятъ цѣлыя артели рабочихъ на лѣсныя выгонки, на судовую тягу и на заводы, предварительно распродавъ ихъ за двойную цѣну, крупнымъ промышленникамъ. Другіе торговцы такого же рода развѣзжаютъ по деревнямъ исключительно для закупки дѣтей. Многіе бѣдные родители за дешевую цѣну продаютъ дѣтей скупщикамъ на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дѣти должны находиться у ремесленниковъ или торговцевъ въ качествѣ учениковъ. Накупивъ такимъ образомъ десятка два дѣтей, скупщикъ отправляетъ ихъ на подводахъ въ Петербургъ, подобно тому какъ возятъ въ городъ телятъ промышленники по этой части. Въ Петербургѣ дѣти распродаются по двойной и тройной цѣнѣ въ ремесленныя заведенія и торговыя лавки. Подобное закабаленіе дѣтей и взрослыхъ распространено въ Московской, Рязанской и другихъ губерніяхъ. Къ той же категоріи торговли человѣческой силою относится наемъ на работы недоимщиковъ, обыкновенно безъ ихъ согласія, по сдѣлкамъ съ волостнымъ начальствомъ, агентамъ землевладѣльцевъ, лѣсоторговцевъ и заводчиковъ, пріѣзжающими спеціально для того часто изъ отдаленныхъ губерній“.

Западно-европейскій читатель, конечно, не повѣрилъ бы, если бы услышалъ, что, занимая деньги у ростовщиковъ, русскій крестьянинъ платитъ иногда до 800% въ годъ. Русскому читателю это очень хорошо извѣстно. „Суммы отработковъ, выполняемыхъ заемщиками такъ велики, продолжаетъ г. Слонимскій, что крестьянинъ работаетъ теперь на другихъ не менѣе четырехъ дней въ недѣлю,

т. е. болѣе, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ“. Замѣтите, что займы у ростовщиковъ, иногда цѣлыми крестьянскими обществами, заключаются „преимущественно“ для уплаты податей, „взыскиваемыхъ въ неудобное время и всегда съ неумолимою строгостью“. Нечего сказать, очень хорошо „обезпечены своими земельными надѣлами“ русскіе крестьяне! „Это уже какъ будто не люди, а машины для уплаты повинностей, полусознательныя существа, видящія свое назначеніе въ безнадежномъ трудѣ и ищущія иногда забвенія въ тяжеломъ отчаянномъ пьянствѣ“.

„Тутъ возросли такіе типы—говоритъ г. Сазоновъ, описывая положеніе крестьянъ Порховскаго уѣзда Псковской губерніи — далѣе которыхъ идти трудно. Вѣчно пьяные, съ искаженнымъ лицомъ, съ блуждающими дикими глазами, въ лохмотьяхъ, они выглядятъ полузвѣрями. Какаѣ-то одичалость, жестокость во всемъ видѣ ихъ. И никакой расправы на нихъ нѣтъ; ихъ всѣ боятся и болѣе всего волостныя и сельскія власти. Это даже не пролетаріатъ, а какое-то озвѣреніе—тутъ ничего человѣческаго не осталось“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что пролетарій вовсе не такой близкій родственникъ звѣрю, какъ это кажется г. Сазонову.

Собственно пролетаріатъ тутъ не при чемъ, и напрасно говоритъ о немъ г. Сазоновъ, какъ кажется, полагающій, что пролетарій только одною ступенью стоитъ выше звѣря. Все дѣло тутъ въ томъ закрѣпощенія крестьянина государству, которое, *нѣкоторыми своими сторонами*, такъ восхищаетъ нашихъ народниковъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, развѣ тебѣ не извѣстно положеніе земледѣльцевъ? Еще до жатвы черви источаютъ половину его хлѣба, а остальное пожрутъ свиньи; поля опустошаются крысами, саранчею, скотомъ, птицами; если хоть немного не доглядитъ земледѣлецъ, воры растащутъ все, что у него останется. Орудія труда портятся; рабочей скотъ выбивается изъ силъ. А тамъ на заставѣ чиновникъ требуетъ десятины; являются сборщики податей, съ палками, негры съ пальмовыми розгами, всѣ кричатъ: „подавай хлѣбъ!“ Если нѣтъ хлѣба у крестьянина, его вьжутъ и истязуютъ... Вьжутъ его жену и дѣтей, покинутыхъ сосѣдами, которые заняты своей собственной жатвой.“

Эти строки принадлежатъ одному „письменному“ человѣку, жившему за полторы тысячи лѣтъ до начала нашей эры. Онъ изображаетъ положеніе крестьянина въ древнемъ Египтѣ*). Есть нѣкоторое основаніе думать, что египетскій дьякъ слишкомъ уже черными красками изобразилъ жизнь тогдашняго феллаха. Но допустите на минуту, что въ его картинѣ нѣтъ никакого преувеличенія, и скажите,—не напоминаетъ ли она вамъ положенія русскаго крестьянина? Разница лишь въ незначительныхъ частностяхъ. Поля феллаха опустошались крысами и саранчею; поля русскаго крестьянина опустошаются гессенской мухой, саранчею и овражками. Съ феллаха

---

*) См. G. Maspero, Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique. Paris 1872.

подати взыскивались натурой; съ русскаго крестьянина онѣ взыскиваются деньгами. Феллаха чиновники били палками; русскаго крестьянина власти бьютъ преимущественно кулаками. Феллаха сѣкли за недоимки негры, и сѣкли пальмовыми вѣтвями; у палачей русскаго крестьянина кожа бѣлая, и сѣкутъ его березовыми розгами. Но за то египетскій феллахъ былъ привязанъ къ землѣ; привязанъ къ ней и русскій крестьянинъ. Система „земельнаго обезпеченія“ феллаха обезпечивала прежде всего прочность египетскаго деспотизма; система „обезпеченія“ русскаго крестьянина обезпечиваетъ (пока обезпечиваетъ) прочность русскаго царизма. Въ этомъ отношеніи въ древнемъ Египтѣ все было *comme chez nous*. †)

Но, есть еще одна, и очень важная, черта различія. Натуральныя подати египетскаго феллаха, навѣрное, были несравненно легче денежныхъ платежей, лежащихъ на русскомъ крестьянинѣ и часто во много разъ превышающихъ доходность его надѣла. Правительственная эксплуатація русскаго крестьянина по своимъ размѣрамъ представляетъ собою нѣчто безпримѣрно величественное и *самобытное*.

Закрѣпощеніемъ крестьянина государству мы обязаны не только безпримѣрною въ исторіи бѣдностью нашего сельскаго населенія, но даже и нашими пресловутыми устоями.

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ интеллигенція ни о чемъ такъ много не говорила, какъ объ общинѣ, и все таки происхожденіе современной русской общины съ періодическими передѣлами земли осталось для нея неяснымъ. Община представляетъ собою плодъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ народнаго *духа* — вотъ все, что знаетъ и что безпрестанно повторяетъ наша интеллигенція. Историческая наука изображаетъ дѣло менѣе чувствительно, но за то болѣе точно.

Періодическихъ передѣловъ пахотной земли, подобныхъ существующимъ въ нынѣшней Россіи, не знала наша древняя сельская община, возникшая на развалинахъ родового быта, который, — не во гнѣвъ почтеннымъ тѣнямъ славянофиловъ, — существовалъ у русскихъ славянъ, какъ и повсюду. Пахатная земля составляла неотъемлемую и нераздѣльную собственность крестьянскаго, иногда очень многочисленнаго, *семейства*. Происходившія по тѣмъ или другимъ поводамъ *переверстки* не измѣняли *размѣровъ* принадлежавшей каждой данной семьѣ поземельной собственности, онѣ только перемѣщали ее *въ пространство*. Но по мѣрѣ развитія государственной власти и чисто восточнаго деспотизма царей, дѣло принимало иной оборотъ. Прикрѣпленные къ землѣ крестьяне утратили свое исконное право на нее; она стала считаться не крестьянской, а государственной или, точнѣе, *государевой* собственностью. Введеніе подушной подати нанесло послѣдній ударъ старому порядку. Если „тяглая“ земля принадлежитъ не крестьянамъ, а государю, если каждая попавшая въ ревизію „душа мужескаго пола“ обложена налогомъ, то отсюда, по справедливому замѣчанію г-жи Ефименко, неизбежно слѣдуетъ

---

†) То есть: все, какъ у насъ.

тотъ „естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душою возможность платить путемъ надѣленія ея землею“. Излишне прибавлять, что для государства рѣчь шла собственно не объ „обязанности“, а о простой экономической выгодѣ, — это ясно само собою. „Когда каждый крестьянинъ будетъ поселенъ и удовольствованъ пашенной землею — сѣнными покосами и прочими угодыми, разсуждалъ одинъ воевода прошлаго вѣка — тогда уже не будетъ имѣть причины только изъ одного (какъ нынѣ есть) дневного пропитанія межъ дворъ скитаться, но и подъ страхомъ, не только о своемъ домѣ и о пропитаніи, но и о заплатѣ подушныхъ денегъ всячески стараться и прилежать долженъ“. Но въ Петербургѣ и безъ воеводы хорошо знали, какъ выгодно будетъ государству, когда земельный надѣлъ дастъ каждой ревизской душѣ возможность „прилежать о заплатѣ подушныхъ денегъ“. Правительство энергично занималось „генеральнымъ поравненіемъ“ („чтобы у нихъ, крестьянъ, земли... на душу сколько кому съдуетъ уравнительно было“). Напрасно ходатайствовали крестьяне „о неотъемъ отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли“, — ихъ прошенія оставлялись безъ вниманія. Не рѣдко дѣло доходило до открытаго сопротивленія властямъ. Крестьяне возставали противъ новыхъ порядковъ собравшись многолюдственно, съ дубьемъ и дреколемъ“. Ихъ усмиряли и „забирали“ военныя команды, имъ „чинили нещадное батошьемъ наказаніе“. Въ концѣ концовъ правительство, разумѣется, добилось своего, крестьяне покорились, новые „устои“ землевладѣнія были заложены и упрочены. Они составили прочнѣйшую основу всего нашего государственнаго порядка.

Тамъ, гдѣ правительство не прибѣгало къ прямому насилію для введенія новой формы общины, оно достигало своей цѣли косвеннымъ путемъ соединеннаго дѣйствія круговой поруки и несоразмѣрныхъ съ доходностью земли платежей. Обязанные платить за мало-земельныхъ недоимщиковъ, многоземельные крестьяне находили выгоднымъ прибѣгать къ періодическимъ передѣламъ земель, чтобы такимъ образомъ вознаграждать себя за уплату недоимокъ. Такъ совершались „добровольные переходы къ общинному землевладѣнію“ въ нѣкоторыхъ, и именно наиболѣе бѣдныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи*).

Легко понять, что помѣщикамъ „генеральное поравненіе“ было не менѣе выгодно, чѣмъ правительству. „Удовольствовать крестьянъ землей“ значило обезпечить рабочія силы крѣпостныхъ душъ. Вотъ почему мы видимъ, что еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія помѣщики вводятъ періодическіе передѣлы земель въ такихъ мѣстностяхъ Малороссіи, гдѣ ихъ раньше не было.

---

*) Смори объ этомъ у Кейслера, въ третьемъ томѣ его сочиненія „Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland“, стр. 56—60. Кейслеръ былъ едва ли не первымъ (въ 1876 г.) писателемъ, высказавшимъ внешне-зложенную теорію происхожденія современной общины съ передѣлами. Чичерина считать нельзя, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого понятія о древнихъ формахъ землевладѣнія въ Россіи.

Надѣляя (за деньги, конечно, и притомъ за очень большія деньги) „освобожденных“ въ 1861 г. крестьянъ землей, правительство руководствовалось интересами казначейства: безземельный крестьянинъ представлялъ бы собою слишкомъ сомнительную платежную силу. Цѣль, привязывавшая къ землѣ крестьянина не была разрублена. Но послѣ крымскаго погрома правительство убѣдилось, что ему нужны не одни только крѣпкіе землѣ крестьяне. Была признана очень нужной, пустившая къ тому времени довольно глубокіе корни, крупная промышленность, требовавшая свободныхъ „рукъ“. Приходилось идти на уступки. Державшая крестьянина привязь была удлинена ровно настолько, чтобы онъ могъ поработать не на одно только казначейство, но также и на капиталистовъ и на помѣщиковъ. Всѣ законоположенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, испытали на себѣ вліяніе этой сдѣлки. Правительство не устраняетъ общины съ передѣлами, но въ то же время издаетъ рядъ законовъ, ведущихъ къ ея разложенію. Оно надѣется, что такая двойственность „удовольствуетъ“ и казначейство, и предпринимателей. Въ теченіе нѣкотораго времени могло казаться, что дѣйствительность не обманетъ его ожиданій. Бѣдность крестьянъ заставляла ихъ продавать свою рабочую силу за самую ничтожную плату, которая немедленно и отбиралась у нихъ почти цѣликомъ въ видѣ всякаго рода налоговъ. Но уже съ конца шестидесятыхъ годовъ можно было замѣтить, что придуманная освободителями „хитрая механика“ имѣетъ въ высшей степени важный недостатокъ: беспощадно раззоряя крестьянина, она тѣмъ самымъ причиняетъ возрастающее оскудѣніе казначейства. Въ семидесятыхъ годахъ этотъ недостатокъ сдѣлался еще замѣтнѣе. Даже слѣпорожденные „государственные младенцы“ стали, повидимому, сознавать, что дѣло идетъ не ладно, что экономическая основа царизма расшатывается, что изъ подъ его ногъ начинаетъ ускользать почва. Но, разумѣется, не эти младенцы могли бы дать иное направленіе естественному ходу экономического процесса.

И замѣчательное дѣло: разложеніе крестьянскаго хозяйства пошло съ очевиднымъ и постоянно возрастающимъ ускореніемъ *въ особенности* съ тѣхъ поръ, когда царская политика окончательно и безповоротнo свернула въ сторону *реакции*. Въ 1881 году вступилъ на престолъ Александръ III, который торжественно объявилъ, точнѣе сказать—за котораго торжественно объявили: „*правительство идетъ, встаньте, господа!*“ Публика „встала“—и что же увидѣла она, какое зрѣлище представлялось ей въ теченіе всего царствованія поваго самодержца? Разрушеніе экономической основы царизма, — мучительный, тяжелый процессъ, который становился тѣмъ мучительнѣе и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе росло усердіе охранителей. Россія уже не оправлялась послѣ неурожая 1880 года, да, *при существующихъ условіяхъ*, она и не могла оправиться. Уже въ 1882 году поступленіе прямыхъ налоговъ оказалось на 5 мил. рублей ниже „смѣтныхъ предположеній“ и на одинъ милліонъ ниже поступления предшествовавшаго 1881 года. Въ 1883 г. многія губерніи вынуждены были

просить продовольственные ссуды, такъ какъ урожай этого года мѣстами былъ посредственный, а мѣстами и вовсе *плохой*, даже по официальнымъ свѣдѣніямъ. Послѣдующіе годы только ухудшили общее положеніе дѣлъ. „Царское правительство приходитъ слишкомъ поздно, — неуклонно отвѣчала экономія на торжественные возгласы реакціонеровъ. Экономическое банкротство, или сверженіе абсолютизма—таковъ единственный выборъ, представляющійся современной Россіи“. Мы остались глухи къ голосу экономіи. Мы „разочаровывались“ и „унывали“ въ то время, когда надо было дѣйствовать, когда надо было бороться и когда за успѣхъ борьбы ручалась несокрушимая сила исторіи. Что же мы выиграли своимъ смиреніемъ? Рѣшило ли оно *страшный вопросъ*, стоявшій передъ нами? Десяти лѣтъ реакціи достаточно было для того, чтобы привести наше отечество на край гибели. Напрасно земства рекомендуютъ теперь крестьянамъ улучшенные способы обработки земли; напрасно толкуютъ они о „глубоко-захватывающемъ плугѣ“. Кто дастъ денегъ на покупку такихъ плуговъ? Чѣмъ приводить ихъ въ движеніе? Какъ выкупить земли, заложенные и перезаложенные: Разуваевымъ? Не напоминаютъ ли наши земскіе радѣтели доктора, который увѣрялъ умиравшихъ отъ холода и голода бѣдняковъ, что въ холодное время нужно

Какъ можно теплѣй укрываться,
И тутъ же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровоюищей питаться.

Сами крестьяне гораздо лучше понимаютъ свое современное экономическое положеніе.

— А хозяйство какъ-же? спросилъ корреспондентъ „Новаго Времени“ крестьянъ, шедшихъ изъ голодающей мѣстности на заработки.

— Да ужъ хозяйства рѣшились. Что уже говорить! Какое хозяйство безъ лошадей? Хоть бы женъ и дѣтей прокормить.

„Одновременно, на всемъ пространствѣ бѣдствующихъ губерній словно электрическая искра пронеслась увѣренность въ невозможности дальнѣйшей борьбы, говорятъ г. Шарановъ въ той же газетѣ. И странное дѣло! Продажа скота и лошадей приобрѣла характеръ не столько личной необходимости въ деньгахъ или невозможности прокормить, сколько чисто эпидемическій характеръ: *всѣ продаютъ*“.

Нечего и говорить: теперь, когда, по расчетамъ мѣстныхъ жителей, на 50 душъ крестьянъ въ голодающей Россіи останется одна лошадь, на 40 душъ одна корова, дальнѣйшая борьба съ природой за свое существованіе стала совершенно невозможна для крестьянина. *Чтобы вывести его изъ нужды, необходимо измѣнить общественныя условія земледѣлія.*

Голодъ 1891 года дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе нашего государственнаго строя. Это почти одинаково хорошо сознается какъ въ обществѣ, такъ и въ „правлящихъ сферахъ“. Теперь даже губернаторы говорятъ о необходимости измѣненія нашей податной системы, этого источника крестьянскаго порабощенія. По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „въ правительственныя учрежденія представлена записка одного изъ губернаторовъ Поволжскаго края, въ которой указывается на необходимость перейти на

будущее время къ новой организаціи платежа податей. Признавая бѣдственное положеніе населенія большинства губерній, происходящее вслѣдствіе громадной его задолженности, губернаторъ указываетъ на то, что главною причиною служитъ необходимость уплаты недоимокъ, заставляющая крестьянъ продавать свой хлѣбъ почти за безцѣнокъ. Въ видахъ борьбы съ этимъ зломъ, губернаторъ предлагаетъ принимать отъ крестьянъ зерно въ счетъ государственныхъ, земскихъ и иныхъ платежей“. Органъ г. Суворина Н. В. (16 Окт.) находитъ, что „ничего неосуществимаго губернаторскій проэктъ собою не представляетъ“. Не желая спорить съ нимъ по этому поводу, мы замѣтимъ только, что превращеніе денежныхъ податей въ натуральныя далеко не означаетъ освобожденія крестьянина отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ государству. Напротивъ, если бы оно было осуществлено, оно привело бы къ еще большому закрѣпощенію крестьянина, къ еще большому вмѣшательству администраціи въ его хозяйственную жизнь. А во что можетъ обойтись крестьянину это вмѣшательство, показываютъ, на примѣръ, просвѣтительные подвиги могилевскаго помпадуря.

Этотъ почтенный администраторъ рѣшилъ, во-первыхъ, заняться улучшеніемъ породы крестьянскихъ лошадей. Сказано—сдѣлано. На покупку заводскихъ жеребцовъ взымано въ 4-хъ уѣздахъ по 33 коп. съ надѣла; на содержаніе ихъ „предложено“ вносить ежегодно по 22 копѣйки съ такой же хозяйственной единицы. „Это предпріятіе... не обошлось, однако, къ сожалѣнію, безъ нѣкоторыхъ промаховъ, тяжко отозвавшихся на населеніи, скромно говоритъ корреспондентъ (Р. В., № 215). Случные дворы поставлены подъ надзоръ крестьянскихъ присутствій и мѣстной полиціи. Пользованіе жеребцами является не правомъ крестьянъ, а поставляется имъ въ непремѣнную обязанность; крестьяне водятъ своихъ кобылицъ на дворы не по собственному желанію и усмотрѣнію, а по наряду, слѣдовательно, зачастую тогда, когда это не имѣетъ смысла. Дабы дѣло улучшенія породы происходило безъ замедленія, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. въ Могилевскомъ, по распоряженію уѣздной администраціи, уничтожены всѣ крестьянскіе жеребцы; водить на дворы своихъ кобылицъ крестьянамъ приходится иногда верстъ за 40; въ весеннюю ростепель, что далеко не легко.“ Но заботливость мудраго администратора не огреничилась этими мудрыми мѣропріятіями. Онъ предпринялъ не болѣе и не менѣе какъ замѣну трехпольнаго крестьянскаго хозяйства—шестипольнымъ. Вводится эта новая мѣра будетъ губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, по разъ навсегда установленному шаблону. „Члены крестьянскихъ присутствій настолько завалены работой каждый по своему вѣдомству—продолжаетъ тотъ же корреспондентъ—что вникать въ хозяйственныя условія каждаго селенія—они не имѣютъ времени, да зачастую и знанія ихъ не достаточны; поэтому при такой постановкѣ дѣла шаблонъ пожалуй и не обходимъ, но результаты примѣненія его могутъ быть и очень печальны; сомнѣваться же въ наличности нужныхъ техническихъ знаній у членовъ крестьянскихъ присутствій болѣе чѣмъ позволительно.. Принудительная ломка всего сельскохозяйственнаго уклада крестьян-

скаго населенія была бы тогда только допустима, если бы она основывалась на техническомъ и экономическомъ расчетѣ такой точности и приспособленности къ частнымъ условіямъ хозяйства каждаго населенія, что исключала бы возможность ошибки и связаннаго съ нею убытка для и безъ того небогатаго бѣлорусскаго земледѣльца... Въ нашемъ случаѣ нѣтъ и слѣда правильнаго и точнаго расчета. Поэтому на первыхъ же порахъ встрѣтятся крупныя промахи. На одинъ изъ нихъ можно указать уже и теперь. Крестьяне, согласно предписанію, посѣяли клеверъ на сѣмена на огородахъ. Крестьянскіе огороды всегда очень сильно удобрены; поэтому клеверъ разовьется очень роскошно, поляжетъ и перепутается, дастъ массу корма, но на сѣмена годиться не будетъ, такъ какъ сильное развитіе зеленыхъ частей растенія мѣшаетъ обильному сѣмяношенію и препятствуетъ равномерности созрѣванія сѣмянъ. Первый блинъ выйдетъ непременно комомъ; этого же обязательно слѣдуетъ избѣгать въ каждомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, гдѣ ломается хозяйство всего населенія не по его доброй волѣ, а по предписанію; а вѣдь отъ хозяйства крестьянина зависитъ его благосостояніе.“

Нѣтъ, не шестипольная система и улучшенное коневодство, насаждаемая мощною рукою помпадуровъ, спасутъ Россію отъ конечнаго разоренія: минуй насъ пуще всѣхъ печалей, и барскій гнѣвъ, и барская любовь!..

Сознаніе необходимости общественной самодѣятельности начинается проникать и въ нашу легальную литературу, которая все чаще и чаще заговариваетъ теперь объ обязанностяхъ „общества“ и передъ самимъ собою, и передъ трудящейся массой. „Голодъ — великій урокъ, говорятъ „Новости“. Надо во чтобы то ни стало сдумѣть имъ воспользоваться... Точно также какъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, сева-стопольская компанія выяснила намъ дурныя стороны нашей жизни и послужила поводомъ къ ея исправленію, нынѣшнее народное бѣдствіе должно послужить къ нашему вѣщему отрезвленію и обновленію“ (№ 274).

Совершенно вѣрно, господа. Нынѣшнее бѣдствіе заставляетъ невольно вспоминать о сева-стопольскомъ погромѣ, положившемъ конецъ „незабвенной“ иколаевщинѣ. Къ сожалѣнію, ни въ „Новостяхъ“ и ни въ какомъ другомъ органѣ русской легальной печати мы не нашли даже отдаленнаго намека на важнѣйшую отличительную черту переживаемой нами эпохи. Сева-стопольское пораженіе выдвинуло на очередь такія реформы нашего общественнаго быта, которыя,—худо ли, хорошо ли,—въ состояніи было предпринять и выполнить само правительство. Да и эти реформы предприняты были лишь подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Теперь не то. Теперь исторія настоятельно требуетъ отъ насъ такихъ дѣйствій и реформъ, на исполненіе которыхъ у царскаго правительства не хватитъ ни умѣнья, ни—тѣмъ менѣе—охоты. Теперь необходимо:

1) Немедленно найти средства для продовольствія сорокамилліоннаго населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній и для помощи рабочему классу, бѣдствующему отъ причиненной неурожаемъ безработицы. Для этого нужно, по умѣренному расчету, отъ 300 до

400 милліоновъ, которыхъ, разумѣется, намъ никогда не дождаться отъ г. Вышнеградскаго.

2) Помочь русскому крестьянству возстановить свое земледѣльческое хозяйство, въ конецъ раззоренное многолѣтнимъ грабежомъ, практиковавшимся помѣщиками и царскими чиновниками.

3) Сверху до низу передѣлать нашу финансовую систему, всю свою тяжесть лежавшую до сихъ поръ на спинѣ крестьянина.

Эти реформы могутъ быть предприняты лишь по почину всей русской земли и осуществлены лишь при ея дѣятельномъ участіи. Осуществите ихъ — и вы похороните русскій царизмъ. Но никакое правительство никогда еще не поднимало на себя руки. Поэтому, ничего не ожидая отъ царизма, надо дѣйствовать вопреки ему. Всѣ тѣ честные русскіе люди, которые не принадлежатъ къ міру дѣльцовъ, кулаковъ и русскихъ чиновниковъ, не ищутъ своей личной пользы въ бѣдствіяхъ народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить основы новаго общественнаго порядка въ Россіи.

Разумѣется, въ дѣлѣ подобной агитаціи непременно должны обнаружиться партіонныя и фракціонныя различія, существующія въ средѣ людей революціоннаго или оппозиціоннаго образа мыслей. Но эти различія ничему не помѣшаютъ. Пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который во всякомъ случаѣ будетъ большимъ приобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся партіи **кнута и палки**.

То, что мы предлагаемъ здѣсь, есть не утопія, измышленная изгнанникомъ, оторваннымъ отъ родной почвы, а насущное, неизбежное дѣло. Вы можете, если хотите, осмѣять наше предложеніе сегодня. Но ваша апатія не разрѣшитъ страшнаго вопроса. Если не теперь, то черезъ годъ, если не черезъ годъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ, вамъ придется считаться съ этимъ вопросомъ. И тогда, какъ и теперь, передъ вами будетъ лежать только одинъ путь дѣйствій: **борьба съ царизмомъ**. И чѣмъ раньше выступите вы на него, тѣмъ больше выиграетъ вся Россія. Полное экономическое раззореніе нашей страны можетъ быть предупреждено лишь полнымъ политическимъ ея освобожденіемъ!

Г. Плехановъ.

3/15 Января 1892.
